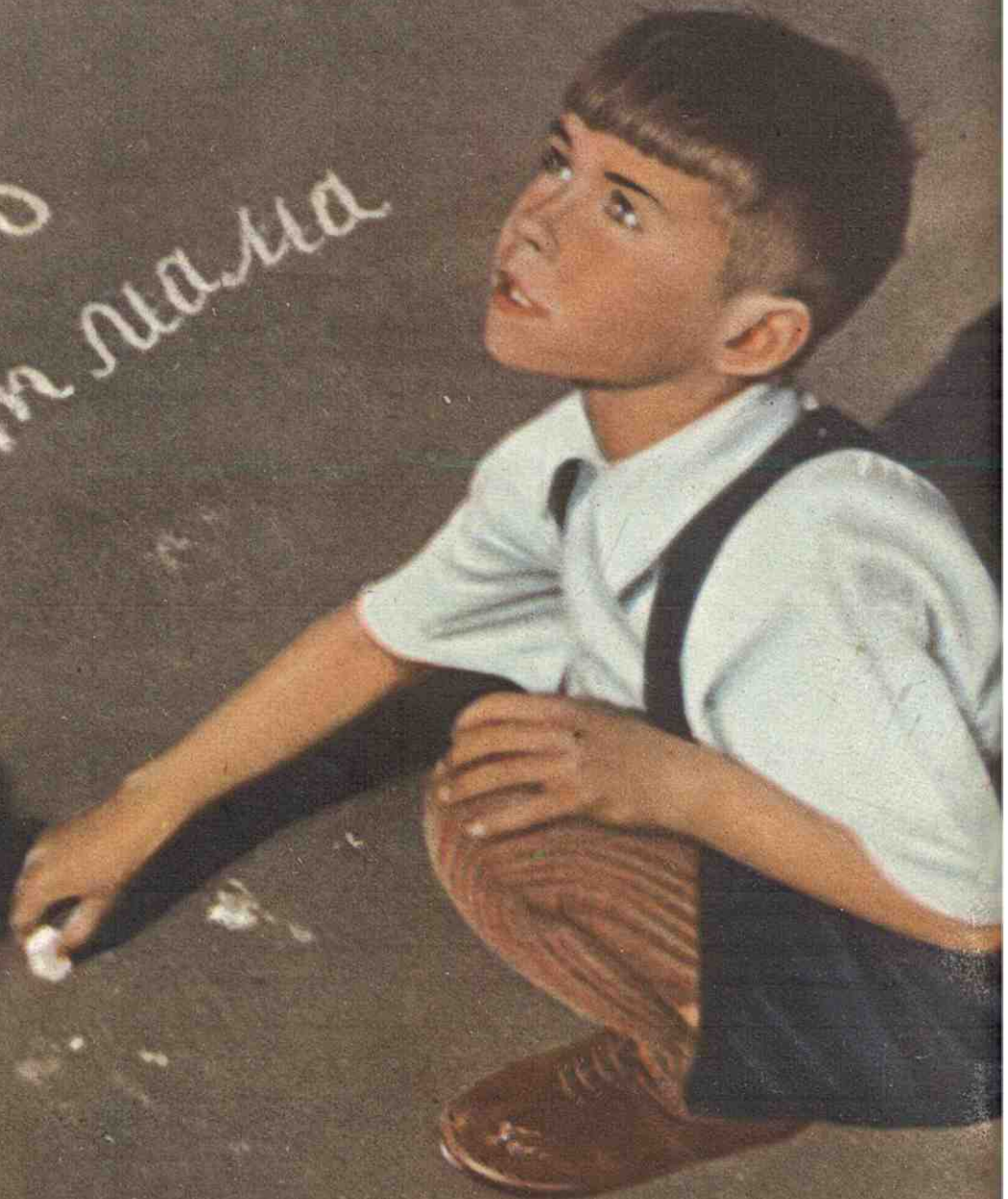

КРЕСТЬЯНКА
№ 6 ИЮНЬ 1963

будет солнце
будет небо
будет мама
всегда
пусть всегда

Деревню Пирчюпис называют «литовской Лидице». Летом 1944 года она была дотла сожжена фашистскими оккупантами. В огне погибли 118 жителей деревни. Памятник жертвам фашизма был создан скульптором Гедиминасом Иокубонисом. Он установлен в заново отстроенной Пирчюпис. Этот замечательный монумент удостоен Ленинской премии 1963 года.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА

№ 6 ИЮНЬ 1963

41-й ГОД ИЗДАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Славо

МАТЕРИ

Не знаю, что для матери дороже ее детей. Что может сравниться с радостью вырастить их и увидеть взрослыми — ладными, работающими. Вот и думаю: меня, горе мое, мой гнев и мои мечты поймет каждая женщина-мать.

Хранится у меня справка — уж не помню, к чему ее получила.

«Выдана, — пишется в справке, — Варваре Никаноровне Цыганковой, матери-героине в том, что дети ее:

Цыганков Григорий Степанович — погиб на фронте.

Цыганков Кузьма Степанович — погиб на фронте.

Цыганкова Мария Степановна — погибла на фронте.

Цыганков Илья Степанович — погиб на фронте.

Цыганков Иван Степанович — погиб на фронте...»

Наткнулась я на нее среди писем, старых фотографий — и будто не минуло последних двадцати лет, будто вот только что узнала о страшной своей беде.

В голос кричать хочу, головой о стены биться.

А утешаюсь чем? Вспоминаю.

Машутка у меня веселая росла, легонькая, быстрая. Бывало, бежит ко мне, кричит:

— Мамань, ой и весна же! Смотри, я веноч сплела. Правда, красиво?

И впрямь, хоть босоножка и платишко застиранное, волосенки на солнышке светятся, стоит в цветах подле меня — красавица.

А то вспомнится: сидит тихая, строгая.

— Знаешь, — говорит, — совсем решила: на врача учиться буду.

И я словно молодела с ней. Тоже мечтала: вот выучится и заживет при мне...

Девятнадцати лет ушла она на фронт. И скоро погибла. Об этом ее подружка мне написала. До сего дня стоят у меня в глазах три отчаянных слова: «Верно! Верно! Верно!» Так начиналось письмо. Словно подружка Маша сама никак не могла поверить, что нет ее.

Нет Маши, нет Гриши моего, Илюши, Кузьмы, Вани. Вот оно, мое горе. Не стерпеться с ним, не забыть. Но я останавливаю себя: «Крепись, мать. Лучше вспомни еще».

И вспоминаю. Вспоминаю и думаю.

Вот Ваня подросток. Уехал в Киев к Кузьме, учиться на инженера. Загадывала я, как и о Маше: окончит институт, а там, смотришь, и женится. И вот ведь материнское сердце неспокойное, гляжу, бывало, на девчонок деревенских наших и все примеряю: эту бы в жены Ване. Загадала даже: пройдет лето, другое — и Ванюшкиного первенца я поняну.

А летом тем загаданным уже война бушевала. И жила я в Киеве, одна, в пустой квартире Кузьмы. Почему туда забралась? Будто чуяла сердцем, что здесь доведется хоть с кем-нибудь из сыновей встретиться.

А стара я уж и тогда была — под семьдесят.

И правда, раз ночью в дверь тихонько стукнули. Смотрю: Иван. Грязный, рваный. Накормила его, напоила, спать уложила. А там скоро без слов Ивановых сама догадалась — подпольщик он, сын мой.

Признаюсь без утайки: страхом зашло мое материнское сердце.

«Сыночек, — думала, — неспокойная голова! И что тебя потянуло в самую опасность замешиваться! Не бережете себя, детки мои».

А время шло. Раз как-то заглянула в духовочку нетопленной печки, а там стопа бумаг, вроде газеток маленьких. Поняла я, что это и есть те листовки против немцев, о которых, бывало, то на улице, то на базаре от людей услышишь.

Захолонуло у меня внутри:

«Ученый ты, сынок, а неосторожен. У меня, у матери, все хитрости побольше».

Взяла, глины развела да духовочку-то и замазала. Снаружи кажется, что и открыть ее нельзя. Пришел Ваня, вмиг подметил, заулыбался ласково:

— Ты, мать, я вижу, молодчина.

И хорошо мне стало на сердце: будто я большое, важное очень что-то сделала. Не просто Ване помогла. Тогда, верно, и поняла: правильно живут в суровую военную годину мои дети. Нельзя им иначе. Ведь они дело отца своего, всего народа защищают. А батько-то наш первым в колхоз вступил и старших сыновей за собой привел. Дети мои — коммунисты все — самую большую правду на земле защищают — Советскую власть.

А потом не стало Вани. Замучили его фашисты.

И снова вспоминаю я и думаю.

В Бабьем Яру лежит Ваня. Илья погиб на Курской дуге. Гриша — на Калининском фронте. Маша — под Минском. Каждый клочок родной земли защищали мои дети. Защищали, пока билось в них сердце. Защищали от фашистской скверны. Да только дело, за которое они сражались, ни для кого не чужое. Они чувствовали это горячо, до глубины души. Иначе не получила бы девочка моя, Маша, трех орденов, не встретила бы пулю, несая на спине раненого солдата. А Кузьма и на немецкой земле продолжал борьбу. Погиб под Кенигсбергом. И уверена я: каждый из них мечтал, хоть и не написано про это в их фронтовых письмах, что никогда не будет больше на земле войны.

Жизнь не пожалели за это отдать. Но если бы они знали, что я, их мать, снова в тревоге! Включу радио и слышу: на земле опять появились изверги, которые хотят проливать кровь человеческую. Как бы негодовали дети мои!

Их гнев мне нести. Мне, живой матери мертвых детей.

А сколько еще жизнью отдано за то, чтобы спокойно могли спать матери и их дети, могли спокойно трудиться, строить мирные планы.

Мы и правда обжились после войны. Наладила жизнь и я, и мои уцелевшие сыновья и дочери, и село наше — Зерново. Его-то в пустыню превратили фашисты — дотла сожгли. Сын мой, Петр, стал строителем. Он с бригадой и клуб восстановил, и много жилых домов, и колхозных построек.

Да и дети моих погибших детей, внуки мои, заняты мирными делами, мирными думами. И мои мечты — о мире.

Дети, внуки, правнуки не оставляют меня ни вниманием, ни помощью. И быть бы мне совсем счастливой, если бы не память. Не дает она мне покоя ни днем, ни ночью.

Вчера правнучка моя Леночка бежит с улицы:

— Бабушка, смотри, подснежники!

Волосики у нее мягкие, от солнца светятся. И такая благодать вокруг. А я вспоминаю Машу. Вспоминаю, как смотрела на дочку и загадывала на счастье. А на Леночку смотрю, и сердце сжимается. Неужели не отстоим детей наших от горя и крови?

Вот и не могу я молчать. Хочу кричать, чтобы по всей земле услышали меня женщины. Те, чье сердце каждый день бьется и звенит счастливой заботой о ребятишках, и те, кому это еще предстоит. Прислушайтесь к моему слову, слову старой женщины-матери.

В. ЦЫГАНКОВА

с. Зерново,
Севское производственное
управление,
Брянская область.

ЖЕНЩИНЫ В БОРЬБЕ ЗА МИР

В 1958 году в Вене на IV Конгрессе Международной демократической федерации женщин японка Микае Тома рассказала о страшных последствиях атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

— Спустя много лет мы сталкиваемся с тем, что наши дети, которые еще вчера весело играли, внезапно заболевают лучевой болезнью,— говорила Микае Тома.— Мы сталкиваемся с тем, что молодые люди, пострадавшие от излучения, кончают жизнь самоубийством. У нас в стране немало матерей, которые боятся родить детей-уродов...

Слушая ее, женщины испытывали жгучую тревогу за будущее детей и за судьбу человечества. Политические, религиозные и философские разногласия, разъединяющие женщин, казались незначительными перед лицом великой опасности. Делегатки конгресса единодушно потребовали запрещения ядерных испытаний.

Ныне женщины мира собираются в Москве, чтобы продолжить борьбу против угрозы ядерной войны. Миллионы новых борцов за мир впились в их ряды.

И в эти дни хочется оглянуться назад — вспомнить, как десятилетиями зрела ненависть женщин к войне, как родилась и окрепла мощная международная женская антивоенная организация, к голосу которой прислушиваются теперь повсюду.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Миллионы русских, немецких, австрийских, французских труженников были оторваны от мирного труда и от родных семей, одеты в солдатские шинели и брошены на поля смерти под предлогом «защиты родины».

Каждый день братоубийственной бойни уносил тысячи молодых жизней, разрушал семьи, убивал надежды и веру, опустошал человеческие сердца. Матери, растившие сыновей для труда, творчества и любви, оплакивали их жестокою смертью и страшные увечья. Осиротели миллионы детей.

В те кровавые дни любое антивоенное выступление преследовалось как государственная измена, тех, кто мешал людям убивать друг друга, бросали в тюрьмы и даже расстреливали.

Но и в таких тяжелых условиях женщины не прекращали борьбы за мир. Бесстрашными организаторами показали себя русские женщины. Жившая в Париже политическая эмигрантка Людмила Николаевна Сталь, член международной редакции журнала «Работница», вместе с французской Луизой Симоне создала «Группу борьбы за мир и против шовинизма», вовлекавшую рабочих в массовое движение против войны.

«Мы распространяли... прокламации,— вспоминала впоследствии Л. Н. Сталь.— В окрестностях Парижа ночью мы шли по темным улочкам рабочих кварталов и опускали листовки в почтовые ящики, расклеивали их по заборам... Несмотря на преследования, запрещение собраний и митингов, мы с каждым днем становились сильнее, завоевывали все больше сторонников...»

Другая русская эмигрантка — Александра Михайловна Коллонтай — вела антимилитаристскую пропаганду в Германии, в Швеции, выступала на антивоенных митингах в Канаде. В 1915 году в Международный женский день она вместе со скандинавскими товарищами организовала в Норвегии массовую демонстрацию

рацию женщин против империалистической войны.

На многих языках мира была издана антивоенная брошюра А. М. Коллонтай «Кому нужна война».

В конце 1914 года у сотрудников заграничной редакции журнала «Работница» возникла мысль об организации Международной антивоенной конференции женщин.

Член редакции Инесса Федоровна Арманд по поручению В. И. Ленина обратилась в ноябре с письмом к Кларе Цеткин, а затем списалась с Л. Сталь, А. Коллонтай и видными французскими, швейцарскими, английскими и голландскими деятельницами.

Вскоре Кларе Цеткин удалось приехать в Амстердам и в самый разгар войны с помощью Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд, Л. Н. Сталь и голландских женщин подготовить конференцию, созванную в швейцарском городе Берне в 1915 году.

Участницы конференции приняли Манифест, в котором писали:

«Мы требуем немедленного прекращения ужасной борьбы между народами. Мы требуем мира без аннексий, мира, который бы признавал право народов и народностей, даже маленьких, на самоопределение и независимость, мира, который не возлагал бы ни на одну из воюющих стран унижительных и невыносимых условий».

За участие в составлении Манифеста немецкое правительство обвинило Клару Цеткин в государственной измене и заперло ее в тюрьму. Манифест, призывавший к прекращению кровопролития, был запрещен. Но женщины нелегально распространяли его во всех воюющих странах, несмотря на грозившее им тяжелое наказание.

На предприятиях Франции, Германии, Англии возникали подпольные антивоенные комитеты, в которых женщины играли важную роль.

...Не прошло и двух десятилетий после первой трагедии, унесшей девять миллионов жизней, как возникли новые очаги войны. Стремительно вооружалась фашизированная Германия. На Дальнем Востоке японские милитаристы, оккупировав Северо-Восточный Китай и Внутреннюю Монголию, строили планы за-

Наталья БУРОВА

Я СЫНА РОДИЛА НЕ ДЛЯ ВОЙНЫ

*Я сына родила не для войны!
Не для войны букварь ему давала.
Тревожилась, гордилась, тосковала,
Пожизненно влюбленная, как мать,
Готовая и шопать, и мечтать,
И ждать коротких, торопливых писем
С какой-нибудь окраины страны!*

*Я сына родила не для войны...
Его вчерашний звонкий голосок,
А нынче жизнерадостный басок
Мне веру в жизнь и в счастье утверждает,
А где-то в мире солнечном блуждает
Угроза смерти, голода и тьмы,—
Работают холодные умы...
Я сына родила не для войны!*

хвата Советского Приморья, Забайкалья и Сибири.

В этот напряженный момент те, кто ненавидел войну, снова обратились к женщинам.

«Матери! Жены! — призывал Максим Горький. — Жизнь исходит от вас, и все, как одна, должны вы подняться на защиту Жизни против смерти. Вы вековые ненавистницы смерти. Вы та сила, что неустанно борется и одолевает...»

В 1934 году Анри Барбюс и руководительница французского женского антифашистского и антивоенного движения Габриель Дюшен выступили с предложением о созыве Всемирного женского антивоенного конгресса. В работе инициативного комитета по созыву конгресса участвовали Габриель Дюшен, англичанка Хаден-Гест и Елена Дмитриевна Стасова, сменившая скончавшуюся в 1933 году Клару Цеткин на посту председателя ЦК МОПР. Инициативный комитет организовал многочисленные собрания и конференции во многих странах.

Конгресс состоялся 4—7 августа 1934 года в Париже. На нем присутствовало около полутора тысяч женщин, собравшихся со всех концов земли.

Разнообразны были идеи и убеждения делегатов, объединенных ненавистью к войне и фашизму.

— Он дал нам связь с такими слоями женщин, с которыми мы до сих пор ничего общего не имели, — рассказывала руководительница советской делегации Елена Дмитриевна Стасова.

Женщины разных наций, убеждений и верований нашли общий язык, выработали общие требования, так называемую Хартину.

«Мы обращаемся ко всем женщинам всех стран мира. Мы призываем их подумать об ужасных последствиях последней войны и непоправимых последствиях будущей войны.»

Женщины могут сделать все в борьбе против войны и фашизма, если они будут идти рука об руку...»

Конгресс избрал Всемирный женский антивоенный комитет. От Советского Союза в него вошли Е. Д. Стасова и К. И. Кирсанова.

В дальнейшем во многих странах были созданы национальные и местные женские комитеты. В одной только Франции их было 117. В работе французского национального комитета участвовала выдающийся ученый Ирэн Жوليو-Кюри.

Избранный на конгрессе Всемирный женский антивоенный комитет стал центром международного антивоенного женского движения. К 1937 году международное женское движение объединяло уже около 10 миллионов женщин многих стран мира, не считая Советского Союза.

Миллионы женщин на всех языках мира настойчиво повторяли: «Нет — войне и фашизму!» Они словно предвидели ужасы предстоящей кровавой бойни, погубившей 32 миллиона жизней и искалечившей 35 миллионов человек.

Так шаг за шагом было подготовлено широкое демократическое движение, охватывающее теперь более двухсот миллионов человек, во главе которого стоит Международная демократическая федерация женщин.

Вера БИЛЬШАЙ

ОН ЖИЛ И УМЕР КОММУНИСТОМ

Долгие годы настоящее имя члена ЦК Коммунистической партии Испании Хулиана Гримау знали только близкие и товарищи по партии: он жил на нелегальном положении то в эмиграции, то в родной Испании. Теперь это имя свято для всех честных людей на земле. Героизм Хулиана

на Гримау вошел в историю, а мужественно принятая смерть принесла бессмертие.

Год тому назад в беседе с корреспондентом газеты французских коммунистов «Юманите» он так сказал о событиях, развернувшихся в Испании: «Народное движение началось, и никто его уже не остановит». Гримау считал: его место там, в гуще событий, в гуще народа, страдающего от ненавистной диктатуры Франко и готовящегося к решительной схватке.

Франксистская политическая полиция настойчиво выслеживала Гримау. И вот 7 ноября 1962 года при выходе из автобуса в городе Мадриде его арестовали. На самоотверженного подпольщика обрушилась вся ненависть, вся жестокость франкистов. Едва закрылась за ним дверь Центрального управления безопасности, как началось зверское избивание, пытки. Потерявшего сознание Гримау выбросили из окна, пытались инсценировать самоубийство и тем самым замести следы варварского преступления. Это не удалось: Хулиан Гримау выжил. С проломленным черепом, со сломанными руками, он стал грозным обвинителем франкистского режима.

«Жизнь Хулиана Гримау в опасности!», «Жизнь патриота должна быть спасена!» — разнеслось по всему миру. И какой отклик получил этот призыв испанских патриотов! В Испанию отправились делегации видных политических и общественных деятелей, полетели тысячи писем и телеграмм с одним требованием: «Свободу Гримау!», «Гримау должен жить!».

Но франкизм остался верен своей гнусной и преступной сущности. Четверть века тому назад генерал Франко пришел к власти кровавой ценой. Более чем миллион убитых на фронтах гражданской войны и 200 тысяч расстрелянных — столько жертв стоило установление фашистского режима в Испании.

Террор, убийства и аресты лучших сынов испанского народа — этим

Анхела Гримау с дочерьми.
Фото из газеты «Юманите».

стремится Франко парализовать активность трудящихся, посеять в их рядах замешательство.

Убийство Гримау понадобилось бесноватому каудильо, чтобы еще раз показать, как он последователен в своем фашистском мракобесии.

20 апреля в пять часов тридцать минут утра распахнулась дверь камеры мадридской тюрьмы Карабанчель, и из нее вышел Хулиан Гримау.

Спокойно, с высоко поднятой головой, он твердо отмерил последние шаги в своей жизни...

А по ту сторону пиренейской границы, в соседней Франции, еще одна испанская семья — семья коммуниста Гримау — надела траур.

Хулиан Гримау женился поздно. Он считал, что семейная жизнь не для революционера, подвергающегося постоянным опасностям. Но однажды он встретил ту, которая стала его женой и другом на всю жизнь. Эта была Анхела; ее отца расстреляли франкисты после окончания гражданской войны.

Вскоре семья пополнилась. У Гримау родились две дочери-погодки: Долорес, которой сейчас десять лет, и младшая — Кармен.

Он горячо любил своих девочек, проявлял о них трогательную заботу. Узнав о том, что его ждет смертная казнь, он написал жене: «Когда приговор будет вынесен, я сообщу тебе о результате. Прошу тебя быть спокойной и не волноваться, я жду приговора спокойно, да иначе и быть не может. Физически я чувствую себя лучше и смогу защищаться так, как надо. Девочкам об этом ничего не говори. Они еще успеют узнать. Пусть пока играют и будут счастливы».

Вскоре после казни, 24 апреля, в Париже, в отеле Пале Дорсе, состоялась пресс-конференция с участием 200 журналистов и тех адвокатов, которые присутствовали на процессе Хулиана Гримау.

Анхела Гримау выступила перед собравшимися.

«Прошу вас передать мою благодарность за знаки солидарности, которые приходят со всех концов мира и которые я никогда не забуду, — сказала она. — Человеческое внимание, которым я окружена, придает мне силы в это тяжелейшее время моей жизни из-за безвозвратной потери мужа и отца моих дочерей. Я глубоко убеждена, что убийство моего мужа есть политический акт мести и ненависти генерала Франко».

Казнь Гримау вызвала еще большую волну симпатии к справедливой борьбе испанского народа.

«Я коммунист и умру, как подобает коммунисту» — это были его последние слова на суде.

Гримау казнен, но нельзя убить идеи, которыми жил он, которыми живут испанские антифашисты. Он стал знаменем, которое призывает народные массы на борьбу против фашистского режима, за свободную Испанию, за ее демократическое будущее.

К. ПИНЕДО

Перевел с испанского
И. АРЛАУСКАС.

Н. С. Хрущев и Фидель Кастро
на трибуне Мавзолея.

Фото А. УСТИНОВА.

ВСТРЕЧИ С ФИДЕЛЕМ

В Гаване у меня спросили:

— Вы не видели Фиделя? Тогда вы не можете считать, что узнали Кубу.

Фиделя мне предстояло увидеть на следующий день — он должен был выступить на конгрессе женщин стран Америки.

Выехав утром с группой советских товарищей в провинцию Пинар-дель-Рио, чтобы познакомиться с жизнью кубинских крестьян, в Гавану мы вернулись поздно. Заседание давно началось. Зал театра Чаплин и все окрест было забито народом, и о том, чтобы попасть в театр, нечего было и мечтать. Оставалось ехать в гостиницу, смотреть и слушать Фиделя по телевизору.

Фидель говорил горячо, страстно. Он отметил большую роль женщин в революции и в строительстве новой жизни на Кубе.

Его речь прерывалась бурными аплодисментами. Как хотелось быть там, в зале, самому испытать то волнение и энтузиазм, которые Фидель всегда передает слушателям при непосредственном общении с ним!

На Кубе мне так и не удалось увидеть Фиделя Кастро. Зато у нас, в Советской стране, мне посчастливилось быть рядом с ним. Я видел его деловитым и по-детски простодушным, видел его в беседах за дружеским столом и выступающим перед тысячами людей... Невольно вспоминая слова кубинского товарища: «Если вы не видели Фиделя, то не можете считать, что узнали Кубу», — я думал: а не побывав на Кубе, трудно понять характер Фиделя — так ярко, полно, глубоко отразился в нем характер его народа.

Я расскажу о нескольких встречах с Фиделем, по которым можно хоть немного представить этого героического человека. Но прежде о нем самом.

Фидель — имя это по-испански означает «верный» — родился 13 августа 1926 года в горной провинции Ориенте, в семье богатого землевладельца. В школе он проявлял незаурядные способности. Сверстники любили его за верность в дружбе, смелость и честность. А в характеристике, которую написали учителя колледжа, где он учился, было предсказано: «Фидель Кастро заполнит не одну золотую страницу в книге своей жизни». С юношеских лет Фидель включился в политическую жизнь Кубы, находившейся тогда под колониальным гнетом США. Будучи студентом Гаванского университета, он изучал работы Маркса, Энгельса, Ленина. Он окончил университет, получил степень доктора права и открыл частную адвокатскую контору. Но обеспеченное будущее буржуазного адвоката не прельщало Фиделя. Он все более активно участвовал в революционной деятельности. 26 июля 1953 года вместе с группой молодых патриотов он совершил вооруженное нападение на военную казарму «Монкада» в Сантьяго-де-Куба. Нападавших было 165, а батистовских солдат — 5 тысяч... Много патриотов погибло в бою, а уцелевшие, в том числе и Фидель, были арестованы. От смертной казни Фиделя и его товарищей спас народ, единодушно выступивший в их защиту. Штурм «Монкада» и мужественное поведение Фиделя на суде сделали его национальным героем Кубы. После того, как кубинский народ вырвал Фиделя из застенков Батисты, он эмигрировал в Мексику, где начал готовить отряд революционеров для высадки на Кубу и организации восстания против диктатора Ба-

тисты. 2 декабря 1956 года 82 революционера во главе с Фиделем сошли со шхуны «Гранма» на берег родины — в той самой провинции Ориенте, где родился Фидель...

Эта небольшая группа революционеров начала борьбу против многотысячной армии Батисты и в конце концов благодаря поддержке народа, и прежде всего крестьянства, добилась победы.

1 января 1959 года диктатура американского ставленника Батисты была свергнута. Премьер-министром правительства свободной Кубы стал Фидель Кастро. Ныне под его руководством на острове Свободы успешно строится социализм. Народ, ставший наконец хозяином в своем доме, свои победы и планы на будущее связывает с именем вождя революции Фиделя и относится к своему национальному герою с необыкновенной любовью и уважением.

И вот Фидель на советской земле. Первое, что больше всего его поразило, — это то, что и советские люди преисполнены к нему уважения и любви. Он с радостью всматривался в приветливые лица, пожимал руки, читал лозунги, торопливо написанные на его родном языке: «Вива, Фидель!», «Здравствуй, дорогой друг и брат!».

Советские люди приветствовали в его лице героический народ, поднявший знамя революции у самых стен цитадели империализма — Соединенных Штатов.

...В первый же час пребывания в Москве Фидель пришел к Ильичу, в Мавзолее. На следующий день он пришел сюда снова. Вместе с ним были его боевые друзья. Они принесли к стене Мавзолея огромный венок, сделанный в виде кубинского знамени. А потом долго в скорбном молчании стояли в Мавзолее. В эти минуты лицо Фиделя было особенно сосредоточенным и строгим. Ученик пришел к своему учителю, коммунист пришел к великому коммунисту. При аресте у него нашли томик произведений Ленина. На суде Фиделю был задан вопрос: «Чья эта книга?» «Это наша книга, — ответил Фидель, — и кто не читает таких книг, тот невежда».

Всю свою жизнь Фидель связал с Лениным. И нелегок был его путь от гор Сьерра-Маэстра сюда, к Мавзолею Ленина...

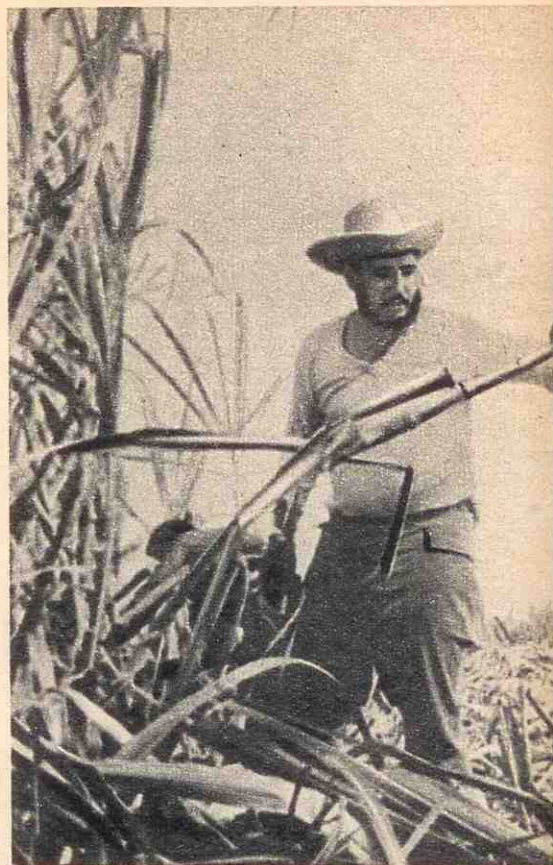
На залитой солнцем Красной площади Фиделя Кастро окружили москвичи. В этой толпе радостно приветствовавших его людей Фидель завел обстоятельный разговор со школьником Витей Сергеевым. Расспрашивал, как он учится, чем увлекается, какие игры любит.

Фидель любит детей. В Гаване в его доме воспитываются шестнадцать ребят, чьи родители отдали жизнь за революцию. Фидель для них — строгий и добрый отец. Он следит, как ребята готовят уроки, а в редкие свободные минуты играет вместе с ними.

В Москве, на Центральном стадионе имени Ленина в Лужниках, он страстно «болел» во время футбольного матча, как знаток следил за состязанием бегунов и велосипедистов. Ведь он сам был чемпионом Гаванского университета по многим видам спорта и ныне любит многокилометровые прогулки, восхождения на вершины гор, игру в бейсбол...

Встречи с Фиделем... Каждая из них раскрывала все новые черты его характера. За дни пребывания в нашей стране советский народ хорошо узнал его — солдата и героя, простого человека с радостной улыбкой, пламенного оратора и верного друга.

В. ПОНИЗОВСКИЙ

Фидель Кастро на плантациях сахарного тростника у себя на родине.

Многое увидел в нашей стране Фидель Кастро. Побывал он и в Узбекистане, на строительстве ирригационных сооружений на реке Ангрен. Труженики близлежащих колхозов и совхозов тепло и сердечно встретили его.

СЕМНАДЦАТАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Чун, конечно, отчаянный мальчишка. Он сделал вид, что идет за водой, но на берегу, оглянувшись, отшвырнул ведро и нырнул в реку.

Он плыл и ждал, что вот-вот начнут стрелять вдогонку. Но пока его заметили, пока подняли тревогу, пока солдаты запускали мотор на катере, Чун уже нащупал ногами дно — илистый пологий склон северного берега Бенхая. А раз так, значит, уже никто с того берега не мог теперь даже пальцем его тронуть, не то что стрелять: он был уже на земле другого государства.

Чуна охватила такая радость, что он запрыгал и замахал руками, хотя этого и не стоило бы делать, — с той стороны на него смотрела мать.

Она пряталась в прибрежных кустах. Страшно подумать, что пережила мать, пока Чун плыл. Теперь она спокойно может пойти домой и сказать бабушке, что Чун уже «там».

Чун долго уговаривал ее. Говорил, что будет «там» учиться. «Там» есть

школа — с завистью смотрели они, как по утрам ребята гурьбой идут в новый дом из теса, крутая крыша которого и часть стены с широким окном виднелись за рекой.

Когда сержант предупредил мать, что если Чун будет подходить к берегу и смотреть на ту сторону, его отправят в колонию, мать сдалась.

— Хорошо, сынок, — сказала она. — Уходи туда. Там тебе будет лучше.

Они не спали всю ночь. Утром Чун не узнал мать — у нее было лицо, как у бабушки: желтое, в складках морщин, с отеками под глазами. И так же, как у бабушки, дрожали руки, когда она накладывала в чашки рис.

Рис мать варила только по большим праздникам и в день памяти отца. Сегодня был большой день — они расставались. Может быть, навсегда.

— Там у тебя будет много риса, сынок, — говорила мать, не глядя на Чуна, словно убеждала сама себя. — Там ты будешь всегда сыт и станешь ученым человеком...

Когда настала минута расставания, Чун вдруг почувствовал слабость. У него так дрожали ноги, что он не мог подняться с циновки. Первой встала мать, и Чун снова не узнал ее. Она держалась прямо, и глаза у нее были незнакомые, жесткие и сосредоточенные.

Она сказала коротко:

— Бери ведро. Пора!

Это было ровно год назад.

...Маленький пограничный городок Хо Са. Дорога к нему из Ханоя долгая; бежит она по равнинам и холмам, то прижимаясь к берегу моря, где возвышаются, как огромные снежные сугробы, белые песчаные дюны, то пугливо прячась в горных ущельях. И вдруг — полосатый зобот шлагбаума поперек дороги. Солдат в тропическом шлеме с автоматом в руке. Дальше дороги нет. За полосатым бревном пограничная зона. Километра три шириной. Посредине ее — река. Через реку перекинут мост, на котором нет следов от авто-

мобильных шин. И крашенных перил его не касается рука человека.

Параллели и меридианы придуманы. Они только на картах и глобусах. Но вот эта семнадцатая параллель зрима. Она прочерчена водами быстрой и глубокой реки Бенхай, она словно след от огромного ножа, полоснувшего по земле. Обычно люди не очень-то задумываются, на какой параллели они живут. Эти условные линии нужны мореходам, летчикам да ученым. А об этой параллели, семнадцатой, всегда помнят вьетнамцы, даже дети. Она расколола нацию, разделила семьи, она рубец не только на земле вьетнамской — на сердце каждого вьетнамца.

Семнадцатая параллель и Чуна разлучила с матерью.

* * *

Чун остановил меня на улице перед гостиницей.

— Вы поедете на ту сторону? — спросил он.

— Нет.

Он вздохнул и опустил голову.

— А я-то так надеялся...

Так познакомились мы с Чуном. Он решил, что я из Международной комиссии — поляк или канадец.

— Что тебе нужно на той стороне, Чун?

— Я написал письмо маме. Она там.

Вот тут-то я и узнал историю бегства Чуна из Южного Вьетнама.

Что произошло с ним за этот год?

— Я научился читать и писать. Я сам написал письмо маме. Но как его отправить?

Отправить нельзя. Чун может послать письмо в любой конец света, и оно дойдет. А на тот берег Бенхая нет для письма пути. Всего-навсего двести метров до того берега, но они непреодолимы.

— А как твоя мать, Чун? Знаешь ли ты о ней что-нибудь?

Он водит носком сандалии по земле и еле слышно говорит:

— Ничего не знаю... Сейчас ничего...

— А раньше?

Раньше он что-то знал. Знал по крайней мере, что мама жива и что она в деревне. Они так условились: каждую субботу мать будет прибираться на берег и за последним домом деревни, подальше от чужих глаз, на заре, как только солнце выплывет из-за моря, три раза качнет веткой большого банана, что растет ближе всего к воде.

Три раза — значит жива и здорова. А Чун в тот же день подвесит к стволу пальмы возле школы белый платок — мать будет знать: с Чуном все в порядке.

На заре каждой субботы качалась ветка большого банана, что растет у самой воды. Не три — много-много раз. Солнце поднималось все выше и выше, припекая землю, а добрый банан махал своей веткой с широкими, похожими на слоновьи уши листьями. Чун до боли напрягал глаза, и порой ему даже казалось, что он видит уставшее лицо матери, ее блестящие, собранные на затылке волосы, ее твердые, в трещинках руки, которые

накладывали в чашку Чуна рассыпчатый пахучий рис в тот последний, горький для нее день.

Мать была там, под бананом, пряталась в зелени: на берег ей выходить опасно. Крикнуть, и она, наверное, услышит, но кричать нельзя: плохо придется матери — избыток, руки отдавят сапогами.

На заре каждой субботы подвешивал Чун платок к пальме у школы: «Все в порядке». Только это и можно сказать матери. Только это! И не знала мать, что Чуна приютили добрые люди, что он сыт, что учится в школе, что в городе Хо Са был впервые в жизни в кино и впервые в жизни ходит не босиком, а в новых, скрипящих крепкой кожей сандалиях, как сын лавочника Хуана на том берегу...

Пять суббот подряд на заре покачивал своей веткой банан, что растет у самой воды. В шестую остался банан неподвижным. Только ветер чуть шевелил листья банановой рощи, будто тревожный трепет пробежал по ней.

С тех пор напрасно ждал Чун привета от матери с того берега.

— Ничего я не знаю о маме... — повторял Чун. Глаза у Чуна глубокие, как два черных колодца, на дне которых застыла тоска. — Ну, я пойду, — говорит он.

— Куда?

— К себе в деревню пойду. Как только сядет за горы солнце, я встану на берегу и опять буду кричать.

— Что же ты будешь кричать?

— Я буду звать маму... Может, услышит, может, откликнется.

Солнце село за острые вершины недалеких гор. Маленький северовьетнамский пограничный городок Хо Са заблестел огнями, собравшими возле себя мирный уют тихого тропического вечера. Городок маленький, десять минут ходьбы — и окраина. За последними домами ночь становится плотнее, ощущаемее, будто на плечах своих чувствуешь ее тяжесть. Видны сторожевые фонари у пограничного моста с тревожно вздрагивающим светом. В трех километрах отсюда деревня, где живет Чун.

Похрустывая сапогами по песку, на той стороне в ночи ходят неусыпные часовые. Там стонут во сне измученные тяжелым днем деревни. Там гнуты мостовые городок под гусеницами американских танков. Там в джунглях сейчас вспыхивают партизанские костры, зовущие к себе непокоренных. За Бенхаем — Южный Вьетнам.

И вдруг чей-то далекий крик в ночи. Еле различимый. Протяжный, беспокойный, зовущий. Затрепетал во мраке, как мотылек у ночного окна, и смолк.

Конечно, я не мог его услышать отсюда, конечно, это игра воображения, но мне кажется, что это именно он, Чун, кричит сейчас, приложив руки ко рту рупором.

— Ма...ма...аа!.. — Крик мальчика эхом отдается в горах, властно стучится в каждое окно в городах и деревнях, не дает заснуть людям у костров в джунглях.

Л. ПОЧИВАЛОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

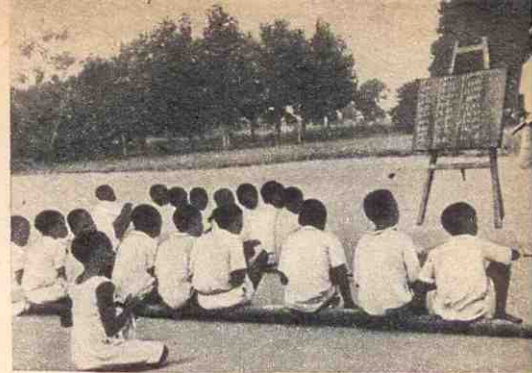

Фото ТАСС.

Не очень-то удобно сидеть на бревнах и писать, держа тетради на коленях. Но что поделаешь, если маленьким суданским ребятишкам не хватает школьных помещений!

Такую картину можно видеть во многих странах Африки: колонизаторов вполне устраивала всеобщая неграмотность местного населения. Поэтому из 25 миллионов африканских детей школьного возраста 17 миллионов никогда не переступали порога учебного заведения.

И в азиатских странах 87 миллионов детей не посещают школу. Но школ не хватает и в экономически развитых странах: в Испании, Франции, ФРГ, Англии, Португалии. Даже в Соединенных Штатах Америки нужно построить 127 тысяч школ, чтобы все дети сели за парты.

Несмотря на то, что в подавляющем большинстве капиталистических стран принят закон об обязательном и бесплатном начальном образовании, почти половина детей не имеет возможности учиться. И не только потому, конечно, что не хватает школ. Во многих странах народы живут в крайней бедности и дети в самом раннем возрасте уже вынуждены работать ради куска хлеба!

На земном шаре миллиард неграмотных. Капиталистические правительства с каждым годом увеличивают ассигнования на армию и вооружение, хотя всего один процент военных затрат мог бы сделать грамотным все население Африки.

В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Знаменитые персидские ковры. Покупая их, многие не знают, что сотканы они хрупкими пальчиками 5—6-летних девочек: в Иране наравне со взрослыми по 14—16 часов в день трудятся дети.

«Я не мог без содрогания смотреть на поближенные лица, сгорбленные фигурки девочек, работающих в полутемных, утопающих в пыли и грязи подвалах, — писал корреспондент западногерманской газеты «Форвертс». — Никто не знает, сколько горя и печали заключено в этих фигурках, как увядают и умирают эти истощенные существа...»

Тяжела судьба миллионов детей капиталистического мира, с малых лет познавших горечь непосильного труда. Дети должны забыть об играх и школе и за нищенскую плату трудиться, чтобы помочь родителям.

В экономически развитых капиталистических странах работает каждый двадцатый подросток в возрасте 10—14 лет. В слаборазвитых — каждый третий.

Фото из газеты «Юманите».

ПЕСНЯ ГОР

Когда песня поэта рождена большой любовью к своему народу, она дорога и другим народам. Потому что любовь к родному очагу, к друзьям и близким — чувства, одинаково присущие и русскому, и украинцу, и узбеку, и аварцу.

Родина Расула Гамзатова в горах Дагестана. Сын маленького аварского народа, он так пишет о нем в своих стихах: «Без дружбы погиб бы мой малый народ, великий лишь тем, что любовью живет».

Стихи Расула Гамзатова будто напоены чистым воздухом гор. Читая их, переносишься в мир природы и обычаев страны поэта, взбираешься по «закрученной ремнем» горной тропинке, срываешь у ее обочины тоненькую травку с тремя листиками, которую дарят девушки-горянки своим нареченным.

От своего отца — народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы — Расул Гамзатов, как эстафету, перенял лучшие традиции старых аварских поэтов, их глубокую народность и мудрость. И в то же время стихи его полны дыхания наших дней, чувств и мыслей, которые волнуют нас сегодня.

Мы публикуем несколько стихотворений из книги Расула Гамзатова «Высокие звезды», удостоенной Ленинской премии.

МАТЕРИ

Мальчишка горский,
я несносным
Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.
Но годы шли,
и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме,
Я боли в сердце не таю.
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я — пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.

Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь,
Но вдруг опять
Сожмется сердце: «Неужели
Я начал маму забывать?»

А ты с любовью, не с упреком
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно обронея.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

Перевел Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Напишите на своем кинжале
Имена детей, чтоб каждый раз
Вспыльчивые люди вспоминали
То, что забывается подчас.

На ружейном вырежьте прикладе
Лица матерей, чтоб каждый раз
С осуждением иль мольбой во взгляде
Матери смотрели бы на вас.

Фото Р. ДИКА (ТАСС).

Старый друг мой, отнятый войной,
Голос твой я слышу все равно,
А иной живой идет за мной,
Хоть и умер для меня давно.

Верный друг мой, отнятый войной,
Мне тепло от твоего огня,
А иной живой сидит со мной
И морозом обдает меня.

У юноши из нашего аула
Была черноволосая жена,
В тот год, когда по двадцать им минуло,
Пришла и разлучила их война.

Жена двадцатилетнего героя
Сидит седая около крыльца.
Их сын, носящий имя дорогое,
Сегодня старше своего отца

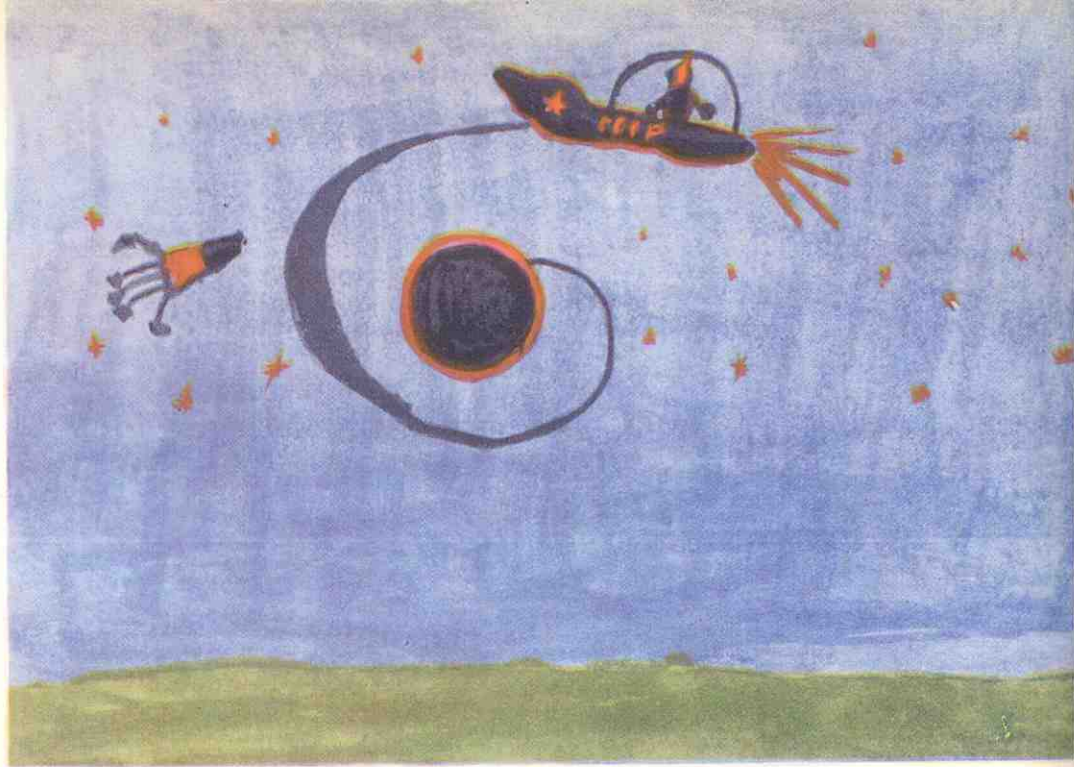
Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать стихи:
Вдруг, их прочтя,
Другой, меня достойней и моложе,
Тебя полюбит тоже не шутя.

Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать:
вдруг кто-нибудь, любя,
Заговорит с другой, любимой тоже,
Словами, что нашел я для тебя.

Перевел Н. ГРЕБНЕВ.

Рисую Дети

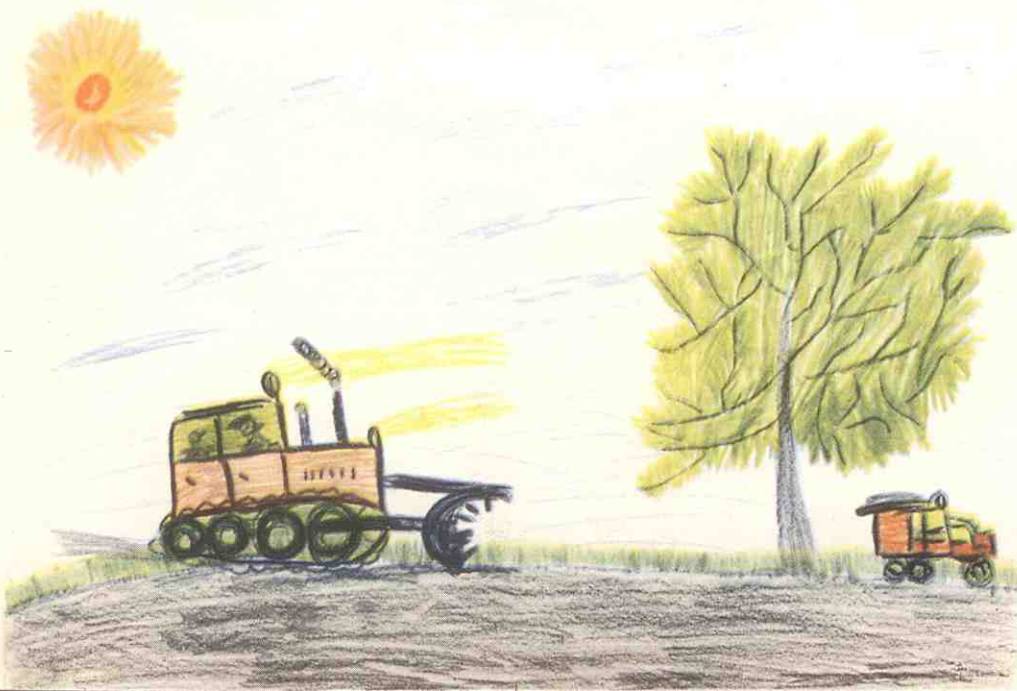
«Гагарин облетает земной шар» — Коля М. (5 лет), Пермская область.

«Я на прогулке в воскресенье» — Саша В. (6 лет), Ленинградская область.

«Весна» — Коля Л. (6 лет), Пензенская область.

Сам рисую —
сам смотрю
На свои картинки.
Что не нравится —
сотру
Беленькой резинкой.

Паровоз —
так нужен дым
И колеса тоже.
Потому что паровоз,
Он без дыма,
без колес
Жить совсем не может.

А теперь рисую дом —
новый и хороший.
Дом,
в котором мы живем
С Таней и Алешей...

У дверей сидит щенок,
лает на прохожих.
Дождь идет.
Щенок промок,
А уйти не может.

Рядом с домом —
самосвал
И автобус красный...
Ух!
Как много рисовал
И устал ужасно.

В. ЛАПШИН

Дети Земли, ее будущее, самое дорогое, что есть у нее. Вот они на этих снимках, веселые, безмятежные, счастливые...

Каждое лето множество советских ребяташек отправляются на каникулы в Чехословакию, Болгарию, Польшу, Венгрию, Норвегию и другие страны — в международные пионерские лагеря. И к нам в «Артек», в «Орленок», в лагерь имени Зои Космодемьянской приезжают дети из всех уголков Земли. Как же быстро они находят общий язык! Да и может ли быть иначе? Их роднят одни и те же мечты, одни и те же стремления. Перед ними во всю ширь распахивается прекрасный мир дружбы — задушевной, трогательной, щедрой,

Дети Земли, ее будущее. Они хотят, чтобы всей планетой правила дружба.

ЕСЛИ Б РЕБЯТА ВСЕЙ ЗЕМЛИ...

Рассказать все-все? С самого начала? Ну ладно. Уже каникулы были. Вдруг вызывают меня в школу, и пионервожатая Светлана говорит мне:

«Танцуй, Виктор! Тебе в гости предлагают поехать».

Она сказала, куда это в гости, и я чуть до потолка не подпрыгнул. Бежал домой и пел во все горло «Давай, космонавт...». А дома мы с братишками такой подняли шум, что мама и Нина, старшая сестра, за квартал услышали и тут же примчались: что там за оказия случилось? Я так спокойненько говорю: «Ничего не случилось, только готовьте для меня чемодан, еду в путешествие. За границу». А мама говорит: «О Витя, я вижу, ты большим человеком стал! Все же, прошу тебя, не лазай там на деревья и на всякие кручи, не то шею сломаешь. И, кстати, не забудь мыть ее каждый день». А Нина стала говорить, чтобы я не задавался перед своими товарищами и зарубил себе на носу, что после такой награды должен еще лучше учиться.

Тут пришел Женька Пискунов, мой друг, и прямо с порога: «Витька, что это за байки плетут про тебя? Или правда?» Я говорю: «Правда». У Женьки глаза, как фары, стали. «Куба?» «Нет». «Африка?» «Нет. Я еду в Чехословакию. По путевке Всесоюзной пионерской организации. В международный пионерский лагерь!» «Это замечательная страна, — сказал Женька. — Там живут два знаменитых путешественника, Ганзелка и Зикмунд. А еще там делают легковые «Татры», не помню, какой мощности». А чтобы я ничего не забыл из увиденного, Женька наказал мне взять с собой толстую тетрадь и все в нее записывать.

На другой день мы с Ниной поехали в Москву за сувенирами. Накупили разных значков, занятных игрушек, цветных открыток. Мне хотелось привезти в лагерь что-нибудь интересное ребятам на память. Еще купили книг, и я стал читать про то, как чешские партизаны и чешские солдаты вместе с советскими били гитлеровских захватчиков. И как Фучик писал книгу перед самой казнью. И про Татры — не машины, а горы.

Начитался про Татры, а увидел Балканы. Почти перед самым отъездом одна девочка попросила поменяться путевками: ее родители ехали туристами в Чехословакию. А мне и в Болгарию интересно. Тем более, что на чешской земле я словно бы уже и побывал, а Ганзелка и Зикмунд все равно находились в каком-то тридцатом царстве.

* * *

Ну наконец-то мы поехали! Колеса туктукали, с потолка чуть светила синяя лампочка. Я прислушивался к стуку колес, смотрел на синий свет и старался представить себе, какое оно, море, настоящее, живое море. Я только в кино и на снимках видел его. Еще я думал: вот нас пятнадцать человек, и я нико-

гда не знал, что где-то в армянском селе живет такой парень, Саркис Шахазизян, в Уфе — другой, Рауль Зайнуллин, в Комсомольске-на-Амуре — Оля Глыбочко, а подружился мы — водой не разлить!

В Софию, столицу Болгарии, поезд пришел вечером. Вышли на перрон пятнадцать мальчиков и девочек и увидели перед собой... пятнадцать мальчиков и девочек с розами в руках! Они сказали хором:

«Здравейте, скъпи другари!» И букеты роз оказались у нас в руках, как будто мы космонавты или артисты! Мы ответили: «Здравствуйте, дорогие ребята!» Тут сразу все как-то перемешалось, обнялись и пошли в обнимку к выходу.

Нас повезли в гостиницу «Москва». Рядом со мной сидел болгарский пионер. Говорил мне названия улиц и спрашивал, спрашивал: где я живу, кто мои родители, есть ли у меня братья. Я сказал: живу в подмосковном совхозе, мой отец — рабочий, мать — доярка, а нас, сыновей, у них ровно полдюжины. «Много!» — удивился он. Ты богатый! Так мы беседовали. Он — по-болгарски, я — по-русски. Все было понятно!

Вы говорите, что ж такого! Русский и болгарский языки — родственные. А кубинцы и алжирцы, они-то ведь не из славян! А встретились мы с ребятами из Алжира и Кубы в тот же вечер за ужином. Мы только вошли в столовую — они встали и запели. Слова были незнакомые, а все же мы понимали: они пели о свободе. Только они замолкли, мы запели свою, боевую пионерскую «Взвейтесь кострами, синие ночи!». Уверю вас, они тоже понимали, о чем была наша песня! А потом все вскочили со своих мест и сбились в одну гурьбу — советские, кубинские, алжирские пионеры. Мы пожимали друг другу руки, обменивались друг с другом галстуками, значками и, само собой, разговаривали. Они называли нас «камарад» или «камарада», мы их — «товарищ». Что же тут не понять? И мы и они говорили: Ленин, Россия, космос, пионер. Кто же не знает этих слов!

Через сутки мы подъезжали к пионерскому лагерю. Впереди показались одинаковые зеленые домики. Мы грянули песню, и весь лагерь помчался к нашему автобусу. Эх, что было! Цветы, музыка и море. А мы стоим в тесном кругу ребят — белых, смуглых, черных — и все вместе кричим: «Мир! Дружба! Хрущев! Гагарин!» Я не знаю, как вам объяснить, почему нас встречали так торжественно. Я думаю, мы были для них... мы были как Советский Союз.

Кто только не жил в лагере! Болгары, венгры, румыны, мальчики и девочки из Германской Демократической Республики, из Ганы, Мали, Марокко, киприоты, австрийцы, французы, англичане... И все — одна семья! По правде, я иногда дерусь с братьями. А тут даже в голову не приходило дать кому-нибудь тумака. И любили мы одно и то же: купаться в море, гонять мяч, ходить в походы, петь, плясать. И не любили одно и то же: по сигналу выходить из моря, длинный час лежать после обеда, вести

дневник. Так и осталась почти неисписанной моя толстая тетрадь!

Каждый день мы узнавали новое. Мы приходили в гости к венгерским, румынским, болгарским пионерам. Они рассказывали нам о своей школе, о своей пионерской организации, о том, как помогают взрослым, как развлекаются; и мы радовались, что у них и у нас так много схожего во всем: в учении, в отдыхе, даже в озорных проделках. И, наверно, мы всю ночь могли бы слушать пионеров Республики Мали — о львах и пальмах, о древних городах и о том, как африканские народы гонят метлой колонизаторов, гонят так крепко, что скоро даже духу от них там не останется!

А были другие рассказы. Мы слушали их, и наши руки сжимались в кулаки. Мы слушали, и нам казалось, что вместе с французами Пьером, Жаннет, Ивонной мы ходим из дома в дом, собирая деньги и продукты для семей бастующих шахтеров, что вместе с англичанами Диком и Антони шагаем в колонне демонстрантов, неся плакат, на котором написано: «Нет — атомной бомбе!» Иногда мы даже сомневались: неужели это правда, что школьника могут не пустить в класс, если на нем красный пионерский галстук, неужели людей сажают в тюрьму из-за того, что они борются за мир? И они допытывались у нас: неужели у нас не платят за вход в детские клубы, и каждый может посещать какой угодно кружок, неужели у нас в стране нет безработных и семьи не остаются без куска хлеба и без крова над головой?

Между прочим, в лагере я сделал важное открытие. Какое? Вы только не смейтесь. Мне очень повезло. Ведь мог же я, Витька Артемьев, родиться не в Советском Союзе, а где-нибудь в капиталистической стране?

Ну, что вы, скучать совсем было некогда! То наш отряд устраивает концерт, то какой-нибудь другой. То за нашу футбольную команду «болеют», а то мы «болеем» за других. Неделю лагерь был, как взбудораженный улей: все отряды участвовали в спартакиаде. Конечно, каждому хотелось завоевать первенство. Круг почета прошел наш отряд! Какая там скука, когда дни мчались ракетой — на первой космической скорости! Не успели оглянуться — месяц позади!

И вот мы опять у автобуса, и опять звучит громкое «Мир!», «Дружба!», и девочки обнимаются, и мальчики хлопают один другого по плечу, и все обещают слать письма, и все стараются не показывать, что им чуточку грустно.

Автобус бежал между гор. Мы пели: «Если бы парни всей земли вместе собрались однажды могли». Мы пели, и, наверно, не один я думал: «Если бы однажды собрались вместе ребята со всего земного шара, как бы громко прозвучал наш клич:

«Мир навсегда! На вечные времена!»

Рассказ Виктора АРТЕМЬЕВА, юного пионера из подмосковного совхоза «Воскресенский», записала Тамара КВИТКО.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Фото ТАСС.

Мальчуган берет револьвер и целится в деревянный манекен. Выстрел другой... Увы, промазал. А манекен вдруг громко говорит: «Проваливай обратно, незнакомец! Запад — место не для тебя!»

Этот голос раздается на одной из улиц Лондона. В столицу Англии доставлен из-за океана аттракцион. Он состоит из деревянной фигуры человека, механизма, воспроизводящего голос, записанный на магнитной пленке, и... автомата для денег.

Наряду с кино, телевидением, комиксами, издающимися миллионными тиражами; такие «игрушки» воспитывают у юных жителей капиталистических стран низменные инстинкты, садизм, человеконенавистничество.

Во многих преступлениях, ограблениях, убийствах, кражах со взломом, угоном машин участвует немало молодежи западных стран.

«Самым тревожным является тот факт, — писал недавно директор Федерального бюро расследований США Эдгар Гувер, — что не только число преступлений, совершаемых молодежью, но и жестокость этих преступлений растет и усиливается изо дня в день, из года в год».

В СТРАНАХ КАПИТАЛА

— Когда бомба упадет, папа, ты придешь за мной или заставишь меня ждать в школе? — Слезы наполнили глаза 12-летней Бриджиты, хотя она очень старалась не плакать.

Об этом вопле души американской девочки вспомнил журналист Ральф Дж. Глисан на страницах газеты «Сан-Франциско — Хроника».

— «Сесть на пол и прикрой лицо!» — такая команда часто раздается в американских школах. Дети в страхе разбегаются по углам, руками закрывают головы. Через несколько минут — новая команда: «Отбой!». Дети рассаживаются по местам, чтобы продолжать урок. Но страх надолго остается в их широко раскрытых глазах.

В дни обострения напряженности в Карибском море был дан новый приказ об «усилении бдительности», коснувшийся американских школ. Напряженность миновала, а учебные тревоги остались. Дети не могут освободиться от жуткого, гнетущего страха.

Фото из американского журнала «Ньюсуик».

Колхозы и совхозы нынешнего Мелеузовского производственного управления раскинулись по западным склонам древнего Урала. Живописна и богата здесь природа. В южной части — бескрайние степи с плодородными землями, на юго-западе — много лесов и гор; в пойме красавицы Белой и в долинах — обильные сенокосы и пастбища. Территория — более девяти тысяч квадратных километров.

Наше производственное управление по праву занимает ведущее место среди двадцати управлений Башкирии. В прошлом году мелеузовцы засыпали в закрома Родины более восьми с половиной миллионов пудов хлеба. И сдали столько сахарной свеклы, что ее хватило на производство десяти миллионов килограммов сахара. На колхозы и совхозы нашего управления приходится почти половина подсолнечника, выращиваемого в республике.

ОТСТАЮЩИХ

по управлению, — меньше одиннадцати центнеров с гектара. Сказалась обезличка. Многие поля настоящего хозяина не имели: пахал землю один, сеял другой, а убирал урожай третий.

В колхозе «Октябрь» нашли новую форму организации труда — механизированные отряды. С их помощью получили в прошлом году с каждого из 3315 гектаров более 21 центнера зерна себестоимостью 1 рубль 70 копеек центнер.

Иные полагают, будто разница между механизированным отрядом и тракторной бригадой лишь в названии. Это совсем не так.

вся необходимая техника, за ним закрепляется земля. Отряд сам планирует по согласованию с агрономом и правлением колхоза очередность работ, сроки их выполнения, методы обработки почв. Причем план составляется по периодам полевых работ, с точным указанием обязанностей каждого механизатора.

Отряду доводится объем работы на сезон и определяется сумма оплаты за эти работы. Окончательный же расчет «производит» урожай. Здесь в прямом смысле получается по пословице: «Что посеешь, то и пожнешь». Личная ответственность и материальная заинтересованность поднимают инициативу каждого

В колхозе «Октябрь» досевают последние гектары.

В нынешнем году мы боремся за то, чтобы продать государству на полтора миллиона пудов зерна больше, чем в прошлом.

Для этого необходимо занять зерновыми семьдесят процентов всех посевных площадей. Нелегко было убедить руководителей хозяйств сделать такой шаг.

Немало потрудились наши инспекторы-организаторы, помогая людям находить резервы. Только за счет введения в севооборот дополнительных площадей мелеузовские колхозы и совхозы увеличат продажу молока государству на 64 тысячи центнеров и мяса на 9 тысяч центнеров.

С весны начался поход за большой хлеб. Главный наш резерв — повышение урожайности. В прошлом году в девятнадцати хозяйствах из пятидесяти двух урожай зерна был ниже, чем в среднем

Прежде в состав бригады входили только трактористы, бригадир да учетчик. Трактористы ежедневно получали наряды-задания и не чувствовали прямой ответственности за урожай. Бригада была в положении подрядчика.

Механизированный же отряд — это крупный постоянный коллектив. В нем трактористы и прицепщики, комбайнеры и их помощники, сеяльщики и те, кто обслуживает механизмы во время полевых работ. В распоряжении отряда —

механизатора, вызывают творческое отношение к делу. Если прежде механизатора мало волновало, как готовят семена, сколько вносят удобрений, то теперь он кровно заинтересован в лучшем выполнении каждой операции.

Возьмем комбайнера. Он прежде, как правило, считал своей обязанностью только уборку хлебов и ремонт комбайна. Заработок у него был гарантированный, и сезонная работа обеспечивала его материально на целый год. Теперь в

НЕ БУДЕТ!

Короток перекур на се-
ни днем, ни ночью не умо-
ляет гул тракторов на по-
лях.

отряде комбайнер, как и тракторист,—
постоянный член коллектива, занятый ра-
ботой круглый год.

Весной, например, комбайнеры назна-

чаются начальниками посевных агрега-
тов. И это играет немалую роль в повы-
шении качества сева. Комбайнер —
высококвалифицированный механизатор.
Он хорошо знает требования агротех-

ники, сам готовит сеялки. Он не станет
сеять любыми семенами, какие привезут
в поле. Нет, он прежде проверит их ка-
чество. Комбайнер сам будет убирать
урожай на тех участках, которые он за-

Кассир колхоза «Ленинское
знамя» М. И. Варанова вы-
дает зарплату прямо в поле.

севал. А оплата его труда во время уборки поставлена в прямую зависимость от намолота зерна, а не от количества убранных гектаров. Работа же на севе у него принимается только после асходов.

Теперь в колхозах и совхозах нашего управления работает около трехсот механизированных отрядов, а также более двухсот механизированных звеньев по возделыванию кукурузы и сахарной свеклы.

Когда проезжаешь по нашим селам, замечаешь: будто вымерла летним днем деревня. Не видишь больше празднующихся. Разве у какого-либо дома сидит на завалинке старушка. Пустынны и приусадебные участки. Зато куда оживленнее стало на полях и фермах.

И это радует.

— Сердца наши оттаяли,— говорила мне доярка из колхоза «Ленинское знамя» Клавдия Тутаева,— меняется хозяйство, и мы меняемся вместе с ним. А ведь сказать даже стыдно: мешочниками наших воскресенских колхозников звали. В колхозе-то, почитай, ничего не получали, продукты с огорода на рынок в Мелеуз, за 25 километров везли, а от туда мешки с хлебом домой тащили. Иные и вовсе из деревни в город подавались. Ни один солдат из армии домой не возвращался. Да с собой еще девушку в жены увозил. Кто кончал школу, тоже в город норовил.

«Оттаяли сердца!» Это, пожалуй, самое важное, что достигнуто за последнее время в результате коренной перестройки управления сельским хозяйством; люди еще недавно отстававших хозяйств воочию убедились: можно жить и работать по-иному.

Недавно правление артели «Ленинское знамя» разбирало очередную пачку заявлений.

— Обратило колхоз просятся,— удовлетворенно сказал председатель Вениамин Дмитриевич Ракитин.— За городскими заработками погнались, когда в колхозе по гривеннику на трудовую причиталось. А теперь в день при выполнении нормы 2 рубля 60 копеек получают. Попросись!

Полсотни семей вернулось в колхоз за последние полтора года. Много парней и девушек накрепко к земле приросли. Всю прошлую зиму деревня комсомольскими свадьбами гремела. За те же полтора года десятка четыре колхозных семей новоселье справили. Над крышами домов, будто лес, растут антенны телевизоров. Мотоциклов в деревне — как когда-то велосипедов. На гулянье по-городскому одеваются. В Доме культуры не отличишь рядовую колхозницу от учительницы, агронома или врача.

Колхоз «Ленинское знамя» в минувшем году получил 678 тысяч рублей дохода. На 150 тысяч больше против предыдущего года. Откуда они взялись?

Председатель правления Ракитин был в колхозе человеком новым. Инспектор-организатор, другие специалисты управления помогли ему с наибольшей пользой распорядиться каждым из шести с половиной тысяч гектаров пашни.

Крепко потеснили малоурожайные

культуры, в дело пустили чистые пары. Площади под рожью и пшеницей увеличились до 60 процентов пахоты. Сбор зерна с каждого гектара — с умением да старанием — подняли на целых три центнера. Больше посеяли и получили сахарной свеклы, гороха, кукурузы, подсолнечника.

Намного выросло производство продукции животноводства. И дешевле она стала. В прошлом году себестоимость говядины снижена до сорока трех рублей — почти на одиннадцать рублей по сравнению с 1961 годом. На полтинник подешевел центнер молока.

Специалисты управления, глубоко проанализировав экономику колхоза, увидели, что в хозяйстве созданы переходные фонды, и пришли к выводу: пора ввести денежную оплату труда. Посоветовали правлению позаимствовать опыт артели имени Калинина. И вот уже каждый месяц колхозники в кассе получают заработную плату. Как на промышленном предприятии!

В колхозе оплачивают больничные листы и отпуска, установлены пенсии престарелым.

Колхозники увидели: производственное управление не на словах, а на деле помогает колхозу,— поняли, что рекомендации его специалистов рождены желанием показать самые короткие пути к его подъему до уровня передовых. И уже легче было нам убедить их в большой пользе крупногруппового содержания свиней, выращивания телят под коровами-кормилицами. В правлении подсчитали, что на одной только ферме при беспривязном содержании и машинном доении высвободится пятнадцать человек. Работать будет легче, а производительность труда возрастет в несколько раз. Заработок доярок увеличится чуть ли не вдвое, а себестоимость центнера молока уменьшится рубля на два.

Из года в год ругали за отставание колхоз «Родина». Посылали уполномоченных и все время подстегивали: «Давай, давай!» А толку чуть. Когда организовалось управление, в колхоз выехали его специалисты. Всесторонне изучили положение дел и пришли к выводу: надо рекомендовать в «Родину» хорошего председателя. И рекомендовали Дмитрия Гавриловича Бердина, руководившего до этого передовой артелью. Опытный специалист и хозяйственник, в совершенстве владеющий «высшей математикой» хлеборобского труда, Бердин перенес в колхоз «Родина» опыт своей артели. Управление помогло колхозу лучше оснастить производство техникой, приобрести недостающие для нового севооборота семена, удобрить почву.

И вот впервые в минувшем году колхоз «Родина» выполнил государственный план по продаже продукции животноводства. А нынче он еще в апреле завершил полугодовое задание по мясу и молоку, в мае — годовой план по продаже яиц. Колхоз построил два коровника, птичник, свинарник, кузницу. Правление помогло многим колхозникам выстроить новые дома, отремонтировать старые. При возросшем объеме работ затраты труда сокращены на 34 тысячи трудовых, а оплата трудовых увеличилась на 96 копеек. С января нынешнего года на смену трудовой пришла гарантированная заработная плата.

Год назад в управлении на одно крепкое хозяйство приходилось четыре слабых. Теперь же наоборот — уже на четыре крепких приходится одно слабое. Но это нас не успокаивает. Что еще можно сделать, чтобы все отстающие скорее окрепли и стали вровень с передовыми?

Работники нашего экономического отдела занялись сейчас поисками возможностей перехода на денежную оплату всех колхозов управления. О том, что денежная оплата — важнейший рычаг подъема, говорит такой факт: за последнее время в колхозы вернулись из города полторы тысячи человек, ушедших в свое время в промышленность. И больше всего возвращаются в те колхозы, где денежная оплата труда.

Птичница колхоза «Родина» Нина Суслова перевела своих подопечных в летний лагерь.

Обучая людей правильно хозяйствовать, мы и сами учимся у передовиков, несая их опыт всем.

Сейчас пока еще трудно говорить о конечных результатах перестройки руководства сельским хозяйством. Осень ответит на этот вопрос. Во всяком случае, нам думается, что к тому времени в управлении не будет отстающих хозяйств.

М. НИКИТИНА,
начальник Мелеузовского производственного управления, депутат
Верховного Совета РСФСР
Башкирская АССР.

Фото С. ВЕТЧИНИНА.

МОСКВА ЖДЕТ ГОСТЕЙ

Простой будничный факт помог мне увидеть, с каким нетерпеливым волнением Москва ждет открытия Всемирного конгресса женщин.

Как водится, дорогих гостей встречают цветами. И делегатов конгресса, конечно, забрасают охапками цветов. В их буйном пиршестве едва ли кто заметит скромные букеты из сада Полины Петровны Урядовой. И будет жаль, если никто не узнает, как много значат эти цветы.

Полина Петровна — жена офицера. Куда бы ни забросила мужа беспокойная армейская судьба: на Север, на Дальний Восток, к западным границам нашей Родины, — она была с ним и всюду, порой на самом бесплодном и каменистом клочке земли, разводила сад.

Но настал день, когда Полина Петровна забыла о своих клумбах. В пограничном литовском городке Урядову застала война. Под бомбами шел на восток эшелон с семьями военнослужащих. Где-то у Каунаса фашистские стервятники изрешетили пулями три вагона из состава, в котором ехала Полина Петровна с сыном.

Вспоминая об этом, Полина Петровна и сегодня не может удержаться от слез. Вот почему эта простая женщина с крестьянским лицом и загорелыми натруженными руками в один из весенних дней пришла в Комитет советских женщин и попросила:

— Разрешите мне каждый день приносить на конгресс букет цветов.

У Полины Петровны прекрасная коллекция — 140 названий гладиолусов, 80 сортов георгинов. Но сегодня ее огорчает одно — лучшие цветы не успеют расцвести в июне.

— Для женщин, борющихся за то, чтобы не было войны, чтобы никогда не страдали дети, я с радостью отдам все цветы своего сада, — волнуясь, говорит Урядова.

Советские люди хорошо знают, что такое война и лишения и что такое радость мирной жизни, труда, творчества. Поэтому так популярны у нас идеи Всемирного конгресса, особенно на предприятиях, где занято много женщин. В цехах Московской фабрики художественной росписи тканей № 9 мужчин почти нет: и директор, и главный инженер, и главный художник, и мастера, и работницы здесь женщины. Узнав о конгрессе, они сказали:

— Наше главное богатство — труд. Вот мы и отдадим свой труд в фонд конгресса. Каждый работник фабрики проработает бесплатно один день, а средства перечислим в фонд мира.

Уже через несколько дней один из цехов внес первые 72 рубля. А мысль бежала дальше: фабрика делает красивые шелковые платки. Нельзя

Вот такие цветы вырашивает П. П. Урядова.

ли выпустить платок на память о московском конгрессе? Так на шелковом поле платка появились три силуэта женщин — белой, желтой и черной.

Очень хочется москвичкам, чтобы участницы конгресса навсегда увезли память о городе, где женщины мира собрались на свой форум. Вот и парфюмеры с фабрики «Новая заря» свои духи, выпущенные в эти июньские дни, назвали «Московские». На коробочках — Кремль, памятник Минину и Пожарскому, Дворец съездов. Парфюмер Валентина Александровна Грибанова долго колдовала над своими пробирками, пока

Директор фабрики № 9 Антонина Степановна Марченко надеется, что сувенирные платки делегатам нравятся.

получила свежий и стойкий запах. Он должен понравиться зарубежным гостям: ведь нередко на фабрику приходят такие письма, какое недавно получили из Канады: «...сложилось прочное мнение, что русская парфюмерия имеет много общего с французской, а в некоторых случаях даже лучше ее». В двадцать две страны идут духи фабрики. Сюрпризных коробочек с набором духов «Дружба», «За мир» и «Счастье» и надписью «Всемирный конгресс женщин» решено выпустить 2 тысячи штук.

А Всесоюзная студия грамзаписи готовит памятную пластинку на пяти языках с песней композитора Аркадия Островского на слова Льва Ошанина.

*«Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я»,—*

выводят мелодию звонкие детские голоса. Поют дети железнодорожников, счастливые дети простых тружеников, не знавшие войны, и сам композитор приехал на студию, чтобы дирижировать для них оркестром. Записав русский вариант песни, звукооператоры просят ребят спеть теперь по-испански, потом по-французски...

Пусть услышат эту мелодию ребята Кубы, дети Алжира! В эти дни перед конгрессом русские женщины думают и о них. В штаб подготовки к конгрессу во Внуковском аэропорту пришла учительница-пенсионерка и положила на стол аккуратный сверток с коротенькой запиской: «8 пар штанишек и 3 платица для алжирских ребят. Пошито Ефремовой».

По инициативе женсовета аэропорта женщины сшили из

Композитор Аркадий Островский и солист хора Центрального дома детей железнодорожников Миша Ботов хотят, чтобы песня прозвучала лучше.

«Нас, женщин, объединяет одно общее желание — сохранение мира во всем мире и счастье наших детей».

А в мае из Внукова в Берлин ушло письмо:

«Подруги! Через ваш аэродром будут пролетать делегатки конгресса. Встречайте их так, как мы собираемся их встретить в Москве».

...Скоро взвоятся на мачтах флаги разных стран мира и около полутора тысяч делегатов конгресса войдут в зал заседаний Кремлевского Дворца съездов. Вместе с ними в этом зале будет и гостеприимная трудовая Москва.

М. ГРИНЕВА

Фото А. ГЕРИНАСА.

Московский завод «Победа» выпустил много значков, посвященных конгрессу.

купленной ими ткани уже 69 вещей в подарок алжирской делегации. А внуковские школьницы, которые на своих уроках труда шьют платья своим алжирским подругам, мечтают: может быть, алжирцы приедут сюда, к нам, и мы сами преподнесем им наши подарки?!

Внуковский аэропорт — главные воздушные ворота Москвы. Здесь впервые ступят на советскую землю многие делегатки. Отсюда они будут отправляться домой. И женщины — диспетчеры службы движения самолетов, работники службы информации и перевозок — взялись безупречно организовать прилет и отлет делегаций. А чтобы весь путь участниц конгресса был легким и праздничным, женсовет решил обратиться к своим зарубежным друзьям. Прочные дружеские связи давно установились у внуковцев с женщинами из аэропорта Берлин — Шёнефельд. Еще недавно Вера Краус, председатель женсовета берлинского аэропорта, писала своим советским коллегам:

В этой лаборатории рождаются новые ароматы духов.

ГЛАЗОМ ХОЗЯЙСКИМ, ПРИД

...Собрание назначили на четыре. Собрались с трудом к шести. Женщины чинно расселись по скамейкам, потихоньку о чем-то переговаривались, грызли семечки. Мужчины вперед не проходили, толпились в углу, поближе к выходу.

Чувствовалось, что речь директора совхоза почти никто не слушает, хотя говорил он очень гладко и напористо, то и дело повышая голос на утверждениях вроде: «...у нас есть все возможности убрать урожай в срок и без потерь» или «если каждый осознает свою ответственность...» После директора выступали управляющий отделением, главный инженер. Их тоже слушали, как говорится вполуха, шушукались, пересмеивались. С удивлением оглядывалась я на знакомых доярок, полеводов: ведь это же они рассказывали мне о том, что на фермах плохо налажен учет; директора месяцами не видят в бригадах, грубый он, «неподходный»; с техникой в хозяйстве неразбериха — больше простаивает, чем работает... Почему же сейчас они молчат, будто речь идет совсем не об их заботах? Лишь в одном месте оживился зал — кто-то завел разговор о том, что сейчас сдавать законтрактованных овец нет смысла: не получишь, как говорится, «ни вару, ни товару». Этот вопрос обсуждали с жаром.

После собрания я спросила у знакомой доярки:

— Почему же вы молчали?

— Да что говорить-то, — махнула она рукой. — Надоело уж, все одно разговорами ничего не изменишь. И из области к нам приезжали — им сверху-то виднее. Завести разговор нетрудно, только потом ведь с этим же начальством нам работать...

На описанном собрании побывала я несколько лет назад. Помню, осталась после него глубокая досада: поразила примиренность рядовых рабочих с недостатками, уже вошедшая в привычку. Покоробила эта уверенность в том, что «сверху виднее», что своими собственными силами все равно перемены не добиться. А я пыталась отыскать главную причину отставания хозяйства, расспрашивала об учете, о специалистах, об использовании техники. Да ведь вот она, самая-то главная причина...

Я не случайно начала с этих воспоминаний разговор о народном контроле. Именно повышение активности каждого рабочего и крестьянина, широкий размах инициативы масс — основная цель постановления о контроле, принятого ноябрьским Пленумом ЦК КПСС.

Партия восстанавливает ленинские принципы контроля. Суть этих принципов — в государстве рабочих и крестьян не может быть равнодушных к успеху общего дела. Людям, заботы которых не выходят за рамки личных интересов, собственного благополучия, коммунизма не построить.

Народный контроль разворачивается и крепнет с каждым днем. Беспощадную борьбу объявил народ хапугам и лодырям, очковтирателям и бюрократам. Все больше сигналов поступает в комитеты партгосконтроля.

«После ремонта «Сельхозтехники» пять тракторов пришлось ремонтировать дополнительно. Нет необходимых запчастей. Срочно разберитесь...»

«Председатель все живет «временщиком», семью из города не перевозит. Когда ездит к семье, выписывает себе командировочные. До каких пор он думает стоять на одной ноге?»

«Разбазарено 16 голов романовских овец. Просим приехать».

Многие вопросы решаются тут же, на местах. Для этого на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах созданы группы содействия партгосконтролю.

Мне удалось познакомиться с работой таких групп в хозяйствах Костромской области. Вот что рассказали члены этих групп.

И. Ф. Смолнина (слева) заглянула на woolно-завод. Все ли замечания контролеров учтены?

ИРЧИВЫМ

ВЫБРАЛИ САМЫХ ДОСТОЙНЫХ

Ираида Федоровна СМОЛЯНКИНА,
завуч школы

(Колхоз «Сущевский»,
Костромское производственное
управление).

К выборам народных контролеров отнеслись наши колхозники очень серьезно. Старались подбирать людей самых трудолюбивых, упрямых в хорошем смысле этого слова. И, конечно, честных: ну какой же из тебя контролер, коли у самого, как говорится, «рыльце в пуху»? Рассказывали мне, к примеру: в одном колхозе проник в группу содействия бригадир, известный всему селу пьяница, который к тому же еще оказался должником многих односельчан. Спрашивается: как может такой кого-то критиковать, учить, воспитывать? Ясно, что скоро его из группы содействия вывели.

В нашу группу вошли такие люди, как доярка Тамара Владимировна Пантелеева, полевод Глафира Васильевна Голицына, секретарь комсомольской организации Тамара Лобанова. Председателем выбрали меня, заместителем моим стал Федор Васильевич Будкин. Надо сказать, помощник и советчик он для меня незаменимый: как-никак, 30 лет проработал председателем нашего колхоза, знает здесь все, как говорится, на ощупь. Сейчас Федор Васильевич на пенсии, но любое важное дело в колхозе по-прежнему не обходится без него. Мы поручаем Федору Васильевичу самые ответственные задания. Например, под его руководством проверяли контролеры в начале марта семенной фонд хозяйства. Побывали во всех складах, посмотрели, как хранится картофель в траншеях. Пробы семян отправили в лабораторию. Немало недостатков вскрыли контролеры. В складе деревни Пеструнино обнаружили щели, через которые проникал снег, и весь верхний слой ячменя обледенел. Значит, как только пригреет солнышко, зерно начнет «гореть». Урожай от таких семян не жди. На собрании в этой бригаде, где контролеры рассказывали колхозникам о результатах проверки, пришлось покраснеть бригадиру Веричеву. Его обязали к 10 апреля очистить все семена и организовать обогрев их.

Тревожное положение сложилось на МТФ Ждановского участка: к середине марта надои по сравнению с прошлогодними намного снизились. В чем же дело? И бригадир и заведующий фермой кивали на недостаток кормов. Что ж, прошлое лето памятно всем. Действительно, очень много кормовых единиц уплыло с дождевыми потоками. Но почему на других фермах при том же рационе все-таки надои значительно выше?

Контролеры увидели, что на ферме холодно, крыша не отремонтирова-

на — как подтаает снег, вода капает прямо на коров. Для подстилки используется влажный, смерзшийся торф, из-за этого животные грязные, беспокойные. Непонятно, почему прекратили подвозить на ферму барду из города. А это ведь большая поддержка при скудном рационе! На других фермах делают хвойный настой — здесь же об этом и не думают.

Выходит, за «объективными» причинами куда проще прятаться, чем использовать хотя бы имеющиеся возможности. После вмешательства контролеров порядок на ферме был наведен, надои хоть немного, да поднялись.

Решили мы проверить и претензии молокозавода к продукции нашего колхоза. Бывали случаи — возвращали молоко из-за повышенной кислотности. Зачастую у учетчика фермы и у лаборанта завода показатели жирности расходились. Послали мы на завод разбираться Тамару Лобанову вместе с зоотехником Николаем Зайцевым и учетчиками ферм. Тамара потом шутила: «Наразбирались на свою голову». Многие претензии завода оказались справедливыми. И в занижении жирности молока лаборантов уличить не удалось.

Но зато наши контролеры «докопались» до такого факта: по инструкции завод обязан возвращать хозяйству 20 процентов (а в период массовых отелов — до 70 процентов) обезжиренного молока. По документам, за прошлый год колхоз продал 9 036 центнеров молока, значит, возврата нам должны были выдать 1 807 центнеров. Мы же получили всего 766 центнеров. Выходит, вместо этого недополученного объема маленьких телят, ягнят, поросят выпаивали цельным молоком. Совершенно неоправданные убытки!

Сообщили мы об этом в комитет партгосконтроля нашего управления. Оказывается, подобное же положение и в других хозяйствах. На молокозаводе сейчас сменен кое-кто из руководителей, больше правила не нарушаются.

Я рассказала только о некоторых наших делах. Может быть, другие группы содействия партгосконтролю сумели сделать больше, но и мы, я считаю, принесли уже ощутимую пользу колхозу. И в дальнейшем мы постараемся делать все для того, чтобы слова «народный контролер» наши односельчане произносили с уважением.

МЕЛОЧЕЙ НЕТ

Валентина Степановна ШИЛОВА,
агроном

(Колхоз «Искра»,
Галичское производственное
управление).

Останавливает однажды меня Ольга Николаевна Сулова, член нашей группы контроля:

До всего есть дело народным контролерам. Вот в учхоз «Заволжский» привезли новую технику. Шофер Тамара Платонова вместе с главным инженером М. Бобырем и заместителем директора Г. Косолаповым решили осмотреть ее.

— Валентина Степановна! Поглядела сейчас, как Юрий Машин возит корма на тракторе «Беларусь». Всего треть тележки загружают. А оплачивают ведь полный рейс — полторы тонны.

Показалось мне сначала это заме-

чание мелочью. Думаю: Ольга Николаевна по старой привычке каждую ерунду подсчитывает, работала она раньше счетоводом. Неужели наша комиссия должна теперь за каждым трактором ходить? Вот проверяли мы семена, хранение удобрений, каждому ясно, дела важные. Опять же разобрались с райпотребсоюзом: в счет встречной продажи за сданное льносемя он должен был продавать нашему хозяйству жмых по 2 рубля за центнер. Мы же покупали жмых на общих условиях — по 6 рублей. Таким образом, переплатили райпотребсоюзу ни много, ни мало 1329 рублей. Деньги эти колхоз потребовал возвратить.

Или «тяжбы» с льнозаводом. Стоило подойти построже — и треста пошла первым номером, а не 0,75, как ее принимали сначала. Разница же в оплате центнера тресты по этим номерам — 6 рублей.

Тут уж было видно, что вмешательство контролеров необходимо. А то иди проверяй загрузку какого-то одного трактора...

Смотрю, Ольга Николаевна не отступает.

— Все большое, — говорит, — из мелочей складывается. Давайте проанализируем один день работы того же Машина. И для других полезно будет.

Согласилась я. Подсчитали, сколько силоса перевез он на тракторе за день, сколько горючего сжег впустую, сколько денег переплачено трактористу и четырем грузчицам. И цифры получились внушительные: на каждом рейсе теряет колхоз 8 рублей.

На заседании группы обсудили мы итоги проверки. Постановили: незаконно начисленные деньги с Машина и грузчиц удержать. Мне кажется, это произвело большое впечатление на колхозников. За правильным использованием техники теперь строго

следят не только механизаторы, но и люди, в повседневной работе с техникой не связанные.

А для себя из того случая сделала я вывод: «мелких» сигналов нет. Именно порой на незначительных, примелькавшихся фактах и нужно учить людей хозяйничать по-настоящему, вести придиричивый, точный учет. Ведь как говорил про контроль Никита Сергеевич Хрущев: «Чтобы комар не пролетел незамеченным!»

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

Александра Владимировна ЧАРКОВА,
агроном

(Совхоз «Заволжский»,
Костромское производственное
управление).

Я хочу рассказать, как группа контроля помогла мне в работе.

Сколько раз ставила я перед дирекцией вопрос: совершенно необходимо построить специальные помещения для удобрений. Ведь при хранении под открытым небом многие из них теряют половину своих живительных качеств. Соглашались, конечно, со мной, только все, как говорится, руки не доходили.

А нынче этот вопрос задали директору народные контролеры. Проверили они мое, первое отделение, увидели, что рассованы удобрения где

попало: и по чердакам мы их старались разместить и по пустующим углам складов...

В общем, добились того, что помещение для удобрений уже начали строить. Обещала дирекция построить и гараж для техники. А то вся техника была у нас под снегом.

Иногда приходится контролерам рассматривать вопросы самые неожиданные. Вот я работаю агрономом отделения уже много лет. Но раньше не приходилось задумываться о том, как распределена в хозяйстве техника. Есть на то инженер. А тут прошлись мы с проверкой по отделениям, сопоставила я цифры, вижу: четвертое отделение имеет то же количество тракторов, сенокос, картофелесажалок, что и первое. Площадь же под зерновыми там в два раза меньше, под картофелем — в три раза. Получается, что рабочие отделений находятся в неравных условиях. По предложению группы контроля накануне сева техника была перераспределена соответственно объему выполняемых работ.

На мой взгляд, работа в группе содействия партгосконтролю приучает людей мыслить широко, по-государственному. Очень важное решение приняла партия, доверяя народу контроль за всеми сторонами жизни нашей страны. Мы постараемся оправдать это доверие.

Пока печатался этот номер журнала, группы содействия партгосконтролю, о которых рассказали здесь их члены, наизрядно не сидели без дела. Они обсуждали новые вопросы, устраивали проверки, принимали решительные меры для искоренения недостатков.

Можно быть уверенными, что на счету народных контролеров из колхозов и совхозов других областей тоже уже немало полезных дел. Хотелось бы, чтобы они написали об этом в редакцию.

Растут, множатся ряды народных контролеров. От их хозяйского, придиричивого глаза не укрыться тому, что мешает нам двигаться вперед.

Литературная запись Т. РЯБИКИНОЙ
Фото Я. МИХЛИНА.

Костромская область.

— Удобрим по всем правилам! — говорит агроном А. В. Чаркова председателю комитета партгосконтроля Костромского производственного управления Г. П. Туманну.

ЗЕМЛЯ,

Черное, вспаханное поле. От земли идет пар. С надеждой и затаенной радостью смотрит земледелец на первые всходы. И уже рисует его воображение волны колосающей пшеницы, золото зерна. И нет для него ничего отраднее, чем жатва. В деле литературном тоже бывают и вспашка, и посев, и всходы, и радость урожая. Появление настоящих, волнующих умы и сердца книг — вот что приносит глубочайшее удовлетворение.

В нашей советской литературе имеет свою большую и прекрасную традицию тема деревни. Народны и глубоко жизненны книги, написанные о коллективизации. Писатели — пионеры темы колхозного строительства — создали замечательные произведения. Лучшее из них — «Поднятая целина» Михаила Шолохова. Рядом с этой книгой встали и поэма А. Твардовского «Страна Муравия», и роман Ф. Панферова «Бруски», и книги П. Замоиского, И. Шухова, Е. Пермитина. Главный конфликт этих произведений — нелегкая ломка мировоззрения крестьянина, который раньше жил по частнособственническому завету:

*Земля в длину и ширину
Кругом своя.
Посадишь бубочку одну,
И та твоя.*

В книгах о жизни послевоенной колхозной деревни было также немало мобилизующего советское крестьянство к завоеванию новых высот. Но были и отклонения от правды жизни, обусловленные культом личности Сталина. Так, появлялись произведения гладкие, идиллические; в них изображалась преимущественно парадная сторона жизни. Писали об удачливых, всегда преуспевающих героях, об изобилии, в то время как, особенно в последние годы жизни Сталина, в колхозах далеко не все обстояло благополучно: происходили подчас драматические процессы, и люди жили гораздо более сложной жизнью, чем это было отражено в иных книгах.

XX и XXII съезды партии вдохнули в литературу новую творческую струю, помогли понять вред описательности, декларативности и догматизма, обратили преимущественное внимание к человеку, к его социальной сущности, его духовному миру.

Михаил Шолохов во второй книге «Поднятая целина» глубоко вскрыл общественные явления, рассмотрел тонкости душевной жизни своих героев, поставил серьезные политические вопросы, подняв на высоту истинного искусства образы сельских коммунистов. Значительный вклад в развитие деревенской темы внесли Валентин Овечкин, Галина Николаева, Владимир Тендряков, Михаил Бубеннов. Их произведения смело вскрывали недостатки в жизни деревни. Тем не менее это были книги жизнеутверждающие, с горячими, преданными делу колхозного строительства героями.

Много потрудились и очеркисты. Они чутко улавливают то новое, что пришло на село в результате решений партии

по вопросам сельского хозяйства. Их не зря называют разведчиками. Запомнились читателю боевые очерки Михаила Жестева, Ефима Дороша, Ивана Винниченко, Георгия Радова, Леонида Иванова, Бориса Можаяева. Своими очерками эти писатели помогают партии в почетном и истинно историческом деле налаживания на селе коммунистических отношений. Этой же задаче служат и многие другие произведения последнего времени, к примеру, роман Елизавета Мальцева «Войди в каждый дом». С большой художественной силой в нем изображен коммунист Егор Дымшаков — человек, вселяющий веру в торжество партийной правды.

Глубока и всеобъемлюща картина сельской жизни, нарисованная в романе Владимира Фоменко «Память земли». В нем особенно ошутима преданная любовь автора к хлеборобам, к людям самого благородного труда на земле.

Герои удивительно сердечного и красочного повествования В. Фоменко с первых же страниц становятся друзьями читателя. Они люди социалистического века, и этого от них не отнимешь, хотя и найдется в них еще немало того, что зовут пережитками прошлого. Серьезные социальные и психологические проблемы писатель решает с предельной художественной убедительностью.

Появилось немало произведений, авторы которых анализируют сложные процессы классовой борьбы, решившие судьбы многих крестьянских семей, также, как и судьбы всего крестьянства. К произведениям такого рода следует от-

ЛЮДИ,

нести недавно появившиеся романы Михаила Жестева «Татьяна Тарханова», Ивана Стаднюка «Люди — не ангелы», Георгия Маркова «Отец и сын».

Страстной убежденностью, верой в коммунистические идеи веет от председателя коммуны Бастрыкова — героя романа Г. Маркова. Читая роман, с самого начала ощущаешь беспокойство: что-то случится с этим Бастрыковым. Так же вот было беспокойно за Давыдова, которому «отпели донские соловьи, отшептала поспевающая пшеница». От руки врага погибает и Бастрыков. Но за его словами: «Советская власть — власть с законом, ничего не делайте без закона. Беззаконие погубит революцию» — ощущается глубокий подтекст. Автор романа как бы оглядывается на то время, когда нарушалась социалистическая законность.

Злоупотребления периода культа личности не могли не коснуться деревни. Лес рубили — щепки летели. И как часто эти щепки оборачивались загубленными людскими судьбами! Об этом поведал Михаил Жестев, рассказав о заключениях середняка Игнатия Тарханова, случайно подпавшего под раскулачивание. Об этом же повествует Иван Стаднюк в романе «Люди — не ангелы».

Но ни в одном из этих произведений, где со всей правдивостью и горечью говорится о нарушениях ленинских норм

жизни, не забывается и то значительное, исторически великое, что делалось партией и народом.

Эти книги выгодно отличаются от некоторых произведений о деревне, появившихся в самое последнее время. Я имею в виду те произведения, в которых наше прошлое, а порой и настоящее освещается односторонне, когда авторы чаще всего пользуются черной краской. Это в известной мере относится к рассказу А. Солженицына «Матренин двор». В нем единственный достойный человек — вдова Матрена, праведница, забитое, беззащитное существо, не видевшее в своей жизни ни крупницы радости, ничего живого и отрадного. Так и погибает она человеком незащищенным, безвестным, безропотным. Современная деревня в этом рассказе мало чем отличается от деревни, изображенной еще в прошлом веке Решетниковым в «Подлиповцах», деревни, в которой люди жили в беспросветной нужде и невежестве.

К сожалению, такую же картину беспросветности, безысходности мы находим в очерке талантливого прозаика и поэта Александра Яшина «Вологодская свадьба». В среде своих земляков, куда он приехал по приглашению племянницы на ее свадьбу, автор не увидел ничего светлого, ничего нынешнего. Автор грустит лишь о том, что свадебный поезд теперь без бубенцов и других атрибутов деревенской вологодской старины.

Досадно и то, что один из очень интересных авторов, пишущих о деревне, Федор Абрамов, в очерке «Вокруг да около» тоже сильно сгустил мрачные краски. Его герой, председатель Ананий Егорович Мысковский, болеющий за колхоз, всем сердцем желающий ему роста, подъема, бьется, как рыба об лед, ходит «вокруг да около» колхозников и никакими силами не может их направить на труд во имя общего блага. Вместе со своим героем председателем колхоза не видит выхода из тупика и Ф. Абрамов.

Нет, неверна, перекошена картина у Абрамова. Все люди у него на одну колдовку, все они думают только о себе, о своей выгоде. Но ведь есть у нас на селе и другие, и именно они составляют большинство, корень колхозного строя. Не мирятся с недостатками, громя их так, как это делал Егор Дымшаков, опираясь на силу коллектива, такие колхозники добивались и добиваются успехов. Очерк Абрамова приземлен, он будто мертво прикреплен к одному, отдельно взятому факту. Утрачено главное свойство искусства — обобщение, умение видеть жизнь в движении, развитии.

Слабости и неточности, а порой и односторонность взгляда на жизнь деревни в отдельных произведениях не портят общей картины. И наш читатель, в особенности пылкий книголюб, житель деревни, с радостью прочтет новые поэтические, волнующие книги о своей жизни, о жизни своих современников.

Лидия ФОМЕНКО

ТРУД

Письма из госпиталя догоняли друг друга. Саша бодро расписывал, что-де идет он на поправку, что кормят в госпитале — лучше и не надо. Врачи, сестры, няни ухаживают за ним, как за родным сыном. А сколько книг он прочитал, тому и счета нет!

Вникает мать в эти восторги, а сердце щемит. Что-то скрывает Саша! Уже год, как кочует он из одного госпиталя в другой.

Но почтальон принес еще один конверт. На этот раз письмо было напечатано на машинке. Начальник госпиталя сообщал, что родители Александра Филипповича Трухачева, находящегося на излечении во Владимире, могут приехать на свидание с сыном.

Заторопились Прасковья Петровна и Филипп Петрович. Собрали в плетеную корзинку домашних гостинцев — и в правление колхоза. Председатель распорядился заложить самую быструю лошадь, чтобы через час в Касимов доставила. А там — на попутных машинах до Тумы. А там — узкоколейкой до Владимира.

Приехали в город ночью. До утра у ворот госпиталя дежурили, минуты отсчитывали. Наконец начался допуск. Военный, с повязкой на глазу, осмотрел бумажку, поданную Филиппом Петровичем. Полистал толстую книгу, еще раз оглядел приехавших и сказал:

— К сожалению, Трухачева Александра Филипповича в госпитале нет... отправили санпоездом для дальнейшего лечения.

Мать разом потеряла голос, прошептала:

— Как же это... Вот же письмо!

— К сожалению, больше ничего не могу сказать.

Филипп Петрович стал домогаться, как увидать начальника госпиталя. Раз он написал письмо-приглашение, пусть разъяснит теперь.

Военный повел его к начальнику. И мать за ними. Но в коридоре ее задержали: нельзя с узлами да корзинками, еще чего доброго инфекцию в госпиталь занесешь. Она и спряталась под лестницей, ожидая возвращения мужа.

И вдруг слышит: спускаются по лестнице две сестры, рассуждают:

— А этот старик-то, выходит, отец Саши, из Касимова! Ну, который без рук и ног. Ночью его с санпоездом отправили. Вот переживать будут старики!..

Петровна так и обмерла. И туман в глаза ей... Вскоре муж пришел. Видит, все узнал, да выговорить не может, глядит куда-то в сторону.

— Знаю, — глухо молвила ему мать.

Как довели они свое горе до дому — не помнят.

Однако дождался Трухачевы сына. День этот запом-

ДЕНЬ ВИТИ

С точки зрения взрослых, Витя и Леня еще маленькие. Вите — четыре года, Лене — семь. Но сами мальчики не считают себя малышами: ведь забот и дел у них ничуть не меньше, чем у остальных членов семьи Демченко.

Правда, раньше всех, иногда раньше самого солнца, просыпается мама. Она неслышно ходит по кухне, готовит завтрак. Потом будит всех.

— На работу пора! — шутит отец, стаскивая с заspanных мальчишек одеяла.

Братья разом вскакивают с постели. В доме закон — на работу не опаздывать!

«Рабочее место» Вити и Лени — в колхозном детском саду. Ребята знают, как важно для всей семьи то, что они детсадовцы. Папа, мама и дедушка мо-

За твое сердце, мама!

нился им на всю жизнь. Все село собралось встречать подводу у околицы. До самого дома шел народ за подводой. Намертво вцепившись рукой в телегу, шагала мать, глядя куда-то поверх голов. И такое лицо у нее было, смотреть страшно. У двора поклонилась тем, кто посочувствовал ей. Открыла ворота, впустила подводу и замкнула двор.

Никто не обиделся, что не пригласила она в дом даже самых близких. Поняли: надо людям притерпеться к горю.

Помогли старики встать Саше на скрипучие протезы и войти в дом, откуда больше двух лет назад он ушел здоровым восемнадцатилетним пареньком.

— Вот мы и приземлились! — бодрясь, сказал Саша. — Ничего, мам! У нас, у десантников, бывало и похуже...

Сели ужинать. Неотрывно глядела мать на руки сына. Левая почти по локоток отпилена. Да и у другого локотка такая же коротышечка, но уже с двумя пальцами, искусно сотворенными хирургом. Этими пальцами и подхватил Саша ложку. И давай проворно черпать борщ из тарелки. Видно, обывк, приловчился сам себя обслуживать. И все подшучивает над собой:

— Короткой рукой лучше управляться. Быстрее ложкой-то курсировать...

В ту первую ночь матери было не до сна. Как бы всю жизнь заново прошла. А дорога-то была не шоссе-стеклышко. И в оврагах застревала, и ветер с дождем хлестал, и подвьюживало. И все же шестерых детей на ноги поставили. Старшаком Саша был. Первый помощник во всех делах. «Как же ему жить-то теперь?» В раздумьях, в слезах прошла ночь.

На другой день Петровна возвратилась с работы поздно. И застала дома гостя, Алешу. С детства дружил он с сыном. Теперь сидят за столом, и между ними поллитровка. Не понравилось матери, что гость с бутылкой пришел. Но скрыла недовольство. Пусть уж. Может, выговорится сын, легче станет на душе.

Поставила мать на стол тарелку квашеной капусты, сало кусочками порезала. Ходит по дому, вроде бы хозяйством занимается, а сама вникает, о чем разговор идет.

— Как ушел тогда в военкомат-то, — припоминал Саша, — обстукали врачи, послушали — и единогласно: «В десантники». Обучили, как мосты врать, как с автоматом обращаться. Прыгнули мы по нескольку раз с парашютом. И на задание. Что было — всего не перескажешь. А ранило меня, когда Жердевку брали, село такое. Стратегический узелок. Может, месяца через два только в сознание я пришел...

Разлил Алеша остатки водки по стаканам.

— Ну, давай теперь, Сашок, за смерть Гитлеру! И чтобы никогда война не повторилась!

Мать подошла к Саше, взяла его стакан.

— Сынок, а может, хватит? Ведь ее только начни — вредней войны будет!

— Знаю, мама! Последняя — и зарок. Увидишь! Не для того к тебе приехал, чтобы обузой стать. Не волнуйся! Слово десантника!

Больше года Саша не выходил из дома. Как первокурсник, засел за тетради. Учился писать. Разрисует карандашами страницу — и к матери:

— Ну как, лучше теперь?

И хотя не так уж велик успех, похваливает мать:

— Вчера вроде курица лапой писала, а сегодня уже четверку поставить можно.

И постепенно строчки стали у Саши, как у заправского писаря.

Как-то пожаловалась мать, что валенки у нее прохудились.

— Высуши, завтра подошью, — откликнулся сын.

Мать подумала: шутит Саша. А он и впрямь драгву сучить да смолить начал. Двое суток провозился с валенками, а одолел. Мать опять похваливает, что лучшей работы она и не видывала. А несколько дней спустя снова, словно бы мимоходом, обмолвилась сыну:

— Ой, беда, кастрюля течет. И выбросить жалко... Уже второй год в сельпо не завозят их.

— А паяльник-то мой не сохранился? — спросил Саша, радуясь, что новое дело ему нашлось.

Вскоре всю посуду в порядок привел. А мать уже дальше смекает: пошла по соседям, по знакомым. Не надо ли кому что запаять? И повалили заказы! Только мать предупреждала: «Не вздумайте платить за работу! Саше сейчас простая благодарность дороже всего на свете».

Потом стал Саша и дрова пилить и мебель ремонтировать. Выхлопотал колхоз Трухачеву инвалидную мотоколяску. Овладел и ею. Камеры сам клеил, ремонтировал. Но больше всего хотелось ему ходить без по-

И Л Е Н И

гут целый день спокойно работать. Дома остается одна бабушка. Можно бы, конечно, побыть с нею. Да у бабушки нынче совсем плохо со здоровьем. К тому же папа и мама считают, что «в коллективе детям расти лучше». Этот «коллектив» зимой — шестьдесят неугомонных, горластых воспитанников. Летом, когда при каждой бригаде открываются сезонные площадки, их становится семьсот.

Каждый день одной и той же дорогой идут братья в детский сад, то и дело оглядываясь по сторонам. Их интересует все. Слышали, как взрослые радуются, что богатеет колхоз. И видят: не так давно на улице был пустырь. Потом началось строительство. А недавно, солнечным весенним днем, со строения сняли леса, и открылось двухэтажное белокаменное правление колхоза.

Напротив этого здания растет еще дом. Здесь будет столовая. Витя и Леня знают, что мама и бабушка ждут ее открытия.

— Будем обеда брать домой, а когда и сходим пообедать, все возни меньше, — мечтают они.

И ребята, проходя мимо одетого лесами здания, придирчиво оглядывают его: скоро ли конец стройке?

Наискосок от будущей столовой — новый Дом культуры.

Сразу за ним, отгороженный узорным заборчиком и

сторонней помощи. Сначала пробовал передвигаться по дому, держась за стены, за мебель. Затем и во двор вышел, а там и за калитку. Одолея дорогу до соседнего палисадника.

Бывало, правда, упадет и не может подняться. Стиснув зубы и обливаясь потом, подползет к забору или стене дома, тогда только утвердится на ногах. Но сколько бы ни падал, вставал и снова шел.

Однажды добрал он и до края крутого берега Оки. Он помнил, какие неоглядные просторы открываются отсюда. Внизу нежится на солнце река. За ней зеленые ковры лугов, отороченные камышами, ивняком. А у самого края земли кучерявятся мещерские леса.

Теперь, добравшись до вершины этого лесистого обрыва, Трухачев, тяжело дыша, оглядел пойму, озаренную луной. Лучистые блики играли по реке, будто кто-то рассыпал по ней серебристых рыбок.

— Ого-го-го-го! — крикнул Саша, и далеко по округе разнесся его победный голос.

Домой он вернулся возбужденный, радостный. Мать у стола перетирала полотенцем посуду.

— А знаешь, мама, где я сейчас был?

— Откуда же мне знать, где ты по ночам бродишь! — с затаенной усмешкой ответила мать.

— До самого обрыва дошел! Дальше правления!

— И кричал там: «Ого-го-го-го»...

— А ты разве слышала? — удивился Саша.

И тут мать призналась:

— Сашенька, глупенький! Я же следом ходила. И как ты по дороге ползал, тоже видела! Я же мать, сынок. А не подходила потому, что знаю твою натуру. Не любишь, чтобы жалели тебя. Я ведь и сама такая! Иной раз так больно, терпенья нет, но не пожалуюсь. Одна все переболю...

Как-то остановился Трухачев около возовых весов. Машину с капустой на них взвешивали. Подошел Павел Яковлевич Сотников, в тот год председателем колхоза он был. Поговорил о том о сем и вдруг:

— Послушай-ка, Саша, а что, если тебе на работу? А? — Да вот хотя бы весовщиком.

— А как думаете, справлюсь?

— А сам-то как думаешь?

— Признаться, прикидывал. Буду стараться работать наравне со всеми!

Разволновался Трухачев. До самого дома дрожь не отпускала его. Улыбается — и ни слова домашним. Словно боится радость расплескать. Но разве удержишь ее, радость?

— Все, мама, завтра запрягаюсь! Выхожу на работу.

— На какую работу? — как бы испугавшись, воскликнула мать. А про то ни слова, что накануне с председателем об этом говорила, чтобы подобрал он какое-нибудь дело сыну. Потому что нет для Саши лучшего лекарства, чем труд.

— Ты только не волнуйся, мама! — успокаивал сын. — Все будет хорошо.

Вскорости председатель предложил:

— Становись-ка, Александр Филиппович, учетчиком на ферму! Дело похлопотливее, но интереснее.

— На ферму так на ферму! — согласно кивнул инвалид. — Машина у меня безотказная. Зачем же такой технике простаивать?

И утром мотоциклка Трухачева, победно урча, покатила к скотным дворам. Поглядела мать вслед, улыбнулась и кончиком платка вытерла скатившиеся на морщинистые щеки слезинки.

Прошел год, другой... Пять соседних колхозов слили в один. Пятерых учетчиков на фермах высвободили, и со всеми учетными делами теперь управлялся один — Александр Филиппович Трухачев. Теперь его мотоциклка то в Василеве, то в Бетине. К вечеру все бригада успевает облететь.

Не только учетом занимался Трухачев. Во все дела вникать стал. И когда ушел, испугавшись трудностей, колхозный зоотехник, Александр Филиппович взял его обязанности на себя. Самоучкой, с помощью книг неплохим специалистом стал.

Нынешний председатель Петр Иванович Молостов так отзывается о Трухачеве:

— Были бы все, как Александр Филиппович: и учет у него в порядке и фермы в гору идут.

Недавно Александр Филиппович пригласил гостей к себе. Собрались родные, близкие, друзья. Почетное место заняли за столом отец и мать Трухачевы. Тут и раскрыл секрет хозяин:

— Ныне, друзья, день рождения у мамы. Она у меня как бы двойная мама. Довоенная и послевоенная. Два раза меня человеком сделала. Вот я и хочу отметить ее подвиги. За твоё сердце, мама!

В. МАТУШКИН

Колхоз «Россия»,
Касимовское производственное управление,
Рязанская область.

буйной зеленью от проезжей дороги, детский сад. Дорожки посыпаны желтым песочком, ярко выделяются беленые стволы деревьев. И весь веселый дворик со скамейками, горкой, беседкой отражается в вымытых до блеска огромных окнах.

Как бы ни торопились братья сюда, первыми они никогда не приходят. Дело в том, что многие воспитан-

ники живут в саду круглые сутки. Это чаще всего дети колхозных животноводов, рабочее место которых далеко, на фермах.

Вот и сегодня, едва Витя и Леня переступили порог сада, их окружили ребята. В детском саду двое новеньких — Таня и Костик Односталко.

Их тормошат, рассматривают. И Танюшка, упиваясь интересом, проявленным к ее особе, с удовольствием рассказывает:

— Папа и мама будут работать на ферме.

В общем, Танюшка отвечает на вопросы правильно. Ее мама Екатерина Иосифовна и папа Николай Константинович приехали в станицу Ново-Титаровскую совсем недавно. Их приняли в колхоз, предоставили работу. Пока они не обзавелись своим жильем, колхоз позаботился и о родителях и о детях. Двое старших устроены в интернат, младшие — в детский сад.

Родители живут в семейном общежитии, которое есть при каждой ферме. Тут же, на ферме, столовая с обедами в кредит, баня, красный уголок с телевизором.

Холостым так и желать лучше нечего, а семейным, конечно, хочется жить своим домом. Вот и мечтают Односталко о том, как осенью заложат фундамент нового дома. Колхоз обещал ссуду на строительство.

Но вернемся в детский сад. После вкусного завтрака начинается и у старших ребят, и у малышек самое интересное время.

Если на дворе хорошая погода, старшая группа совершает экскурсии — в станице столько интересного! В ненастье эти часы посвящаются рисованию, пению, играм.

Сегодня настоящий весенний день, значит, как и обе-

Эльмина Отсман долгое время вела дневник. В ее записях часто повторяется мысль: в Эстонии недоверчиво относятся к способности женщин работать на машинах. Это глубоко задевало Эльмину: ведь она одной из первых среди наших крестьянок осмелилась взять в руки штурвал трактора и комбайна. Все это и отражено в ее дневнике:

«1948 год. До чего же мне не по себе! Трактористы в мастерской смотрят с усмешкой: какой из женщины тракторист? Я рассердилась. Захотелось доказать, что я все-таки трактористка.

Курсы окончила в апреле. На экзамене мужчины смотрели, как я веду трактор, аплодировали. Но это, оказывается, далеко не все. Мужчины по-прежнему мне не доверяют, и после окончания курсов никто не захотел взять меня к себе в напарники. Все же один «смельчак» нашелся: «Ладно, будь что будет, я ее возьму».

«1949 год. На курсах комбайнеров тридцать учащихся, но среди них я одна. На меня опять поглядывают искоса, но я терплю».

«1950 год. Работники мастерской придирчиво следят, как я работаю. Боюсь показать им, как мне страшно. С самоуверенным видом хожу я вокруг комбайна, смазываю цепные передачи. Только когда села за штурвал, немного пришла в себя и даже загордилась: пусть-ка теперь попробуют сказать, что женщина не может стать механизатором!

Много любопытных приходят посмотреть, как работает мой комбайн. Собственно говоря, смотрят не на комбайн, а на первую в республике женщину-комбайнера».

Такие записи сделала в свое время Эльмина Отсман. Теперь те годы давно уже стали историей. Но отошла ли в историю проблема «женщина-крестьянка и машины»? Первая женщина-комбайнер побудила встать за штурвал

Перепечатывая из эстонского женского журнала «Ньюкоуде Найне» № 2 за 1963 год статью «Крестьянка и машины», редакция считает, что в ней затронуты очень важные вопросы, связанные с овладением техникой женщинами села. Мы приглашаем вас, дорогие читательницы, поделиться своими соображениями о том, что мешает этому важнейшему делу.

КРЕСТЬЯНКА И МАШИНЫ

комбайна вторую, вторая — третью... Невольно хочется написать: «А теперь их уже много». Но не тут-то было. Осенью 1962 года в газетах были приведены списки комбайнеров и итоги их работы. И среди них, кроме Эльмины, оказалось лишь несколько женских имен.

В Хартюском районе на тракторе работают пять женщин, в Вырусском — две, в Пайдеском — три и т. д. К весне 1962 года в училищах механизации нашей республики профессией тракториста овладели только четыре девушки. Да и нынче их, по всей вероятности, не намного больше. И из тех, кто окончили школу, далеко не все работают по специальности.

В чем же дело? Почему, например, в колхозе имени Таммсааре, Пайдеского района, в совхозе «Рыуге», Вырусского района, и многих других хозяйствах женщины оставили трактор?

Одной из причин, по которой девушки, выйдя замуж и обзаведясь детьми, бросают профессию механизатора, является то, что рабочий день механизатора в горячий период посевных работ или хлебоуборки нередко очень длинен. Ведь машин и рабочей силы еще не везде у нас достаточно. Но не пропадать же хлебу! А как быть, если у женщины-механизатора дома маленькие дети? Детских-то садов на селе маловато. Да и домашних хлопот всегда у женщины немало.

Два механизатора на одну машину — вот выход из положения, но к этому мало где прибегают.

До сего времени бытует и такое мнение, что работа с машинами — дело не женское. Тяжело, грязно.

— А как же на тех животноводческих фермах, где вся работа выполняется вручную, даже дойка! Разве там легче или чище? — спрашивает Эльмина Отсман. — Работать на тракторе, я бы сказала, намного легче, чем изо дня в день доить дюжину коров.

Раньше, действительно, и машины были менее совершен-

щано, самые старшие отправляются с воспитательницей Алевтиной Ивановной на машинный двор. Каких только машин нет в колхозе! Леня помнит, как отец сказал однажды:

— Если всю колхозную технику согнать в одно место, домам в станице негде будет стоять.

Еще бы — каждый год колхоз приобретает новые машины.

Поход так затянулся, что едва успели к обеду. Дежурные санитары придирчиво осмотрели руки. Наконец все уселись за стол.

Повариха — тетя Саша — мастерица готовить вкусную еду. Она нередко потчует ребят сладкими пирожками, ватрушками, кренделями. Зимой и весной малыши с удовольствием уплетают соленые красные помидоры и крепкие, хрустящие огурцы, которые хранятся в подвале детского сада. Соленья и варенья — тоже

дело рук тети Саши. Не напрасно посылал ее колхоз на районные курсы поваров детских учреждений.

Сегодня на столах вкусно дымятся щи. А потом появляются курица, компот.

После прогулки аппетит разыгрался у всех — тарелки и чашки миглом опустошаются. За обедом Леня, как старший, следит за манерами брата.

«Мертвый час» не всем по душе: иным хотелось бы еще побегать, поиграть. Но едва коснется подушки голова, слипаются тяжелые веки.

После сна и полдника у ребят старшей группы хозяйственные заботы — прополоть грядки цветов и клубники, полить их, если нужно. А когда труд окончен, усядутся все вокруг воспитательницы на террасе и, зажав дыхание, слушают о приключениях доброго Айболита или веселого дяди Степы.

ными, и заводить их было нелегко, и управлять ими. Но ведь теперь машины иные, иные и условия работы.

В самом деле, работа на тракторе малой мощности — одно удовольствие. В некоторых хозяйствах их так и называют «женский трактор». Очень приятно было наблюдать такую картину: на поле совхоза «Костивере», Харьковского района, женщины водят эти «женские тракторы», а мужчины грузят ящики с овощами. Приятно потому, что обычно бывает наоборот: за рулем небольшого трактора сидит эдакий детина, а женщины грузят овощи или удобрения.

Эльмина Отсман пишет, что она училась на механизатора при всеобщем недоверии и удивлении. Это естественно — ведь она была первой, и происходило это еще во времена, когда преобладали единоличные хозяйства. Печальнее то, что и сейчас есть на селе люди, которые между женщиной и машиной ставят стену.

Женщинам надо всемерно помогать, а не отпугивать их от техники. Помогать так, как Иоханнес и Велло Паппель — отец и сын из колхоза «Либиту», Харьковского района. Оба они механизаторы, с их помощью механизаторами стали и жена Паппеля — Хилле и сестра его — Ильме. И Эльмине Отсман на первых порах оказывал поддержку отец, опытный механизатор. Да и некоторые из товарищей по работе всегда готовы были прийти к ней на помощь, когда в этом была нужда.

Все сказанное охватывает лишь небольшую часть вопросов, связанных с овладением женщинами профессий механизаторов. Но наиболее остро эти вопросы стоят на молочных фермах, где большинство работников — женщины. Работы здесь вообще хуже механизированы, чем в полеводстве, и производительность труда ниже. Не секрет, что у нас в животноводстве некоторые механизмы не дают еще желаемого повышения производительности труда по той простой причине, что техническая подготовка женщин-животноводов не отвечает требованиям времени. С этой бедой я и научный сотрудник Эстонского института животноводства тов. Кутти столкнулись в хозяйствах Пайдеского, Тартуского и Йыгеваского районов, где мы прошлым летом проверяли на пастбищах работу доильных машин типа «Импульс». Ни в одном из увиденных нами хозяйств не придерживались правильной технологии при пользовании доильными аппаратами, и поэтому производительность труда не достигала предусмотренного уровня. Как всегда, на доильной площадке хлопотали женщины, а около крошечного мотора сидел мужчина. «Работа» его заключалась главным образом в том, что он заводил мотор и выключал его. Почему же этого не делали сами доярки? «Да мы в жизни не прикасались к мотору», — ответили они. Но ведь мотор «Импульса», которым пользуются на пастбищах, работает про-

сто и хорошо, он так и сконструирован, что не требует специального моториста. Если несколько лет назад дальнейшему увеличению скоростей в летном деле мешал так называемый «звучковой барьер», то на многих фермах рост производительности труда задерживает своеобразный «моторный барьер». Доярки хотя и научились пользоваться доильными аппаратами, но мотора не знают.

Мотор доильного аппарата не единственный, который должны знать в наши дни работники фермы. Кто-то на ферме должен уметь водить и трактор. Например, в совхозе «Равила», Харьковского района, научилась водить трактор известная свинарка Вете Королева. Летом она берет в садоводческой бригаде небольшой трактор. Накосит на нем зеленого корма и тем же трактором доставит его на ферму. В других местах для этого держат лошадей — будто бы скотница только с лошадей и может справиться!

Зачастую это происходит не потому, что у женщин не хватает предприимчивости и веры в свои способности. Во многом виноваты руководители хозяйств.

Хозяйства несут немалые убытки от того, что женщины не владеют техникой. Например, вакуумные насосы доильных установок часто выходят из строя лишь потому, что в нарушение правил технического ухода их оставляют несмазанными. Или: работники фермы должны время от времени контролировать крепления оборудования и не допускать аварии из-за разболтавшейся гайки или болта. А они этого не делают.

Техническая сноровка — это не врожденное качество, его приобретают. И начинается этот процесс еще тогда, когда мальчику мы покупаем игрушечную автомашину, а девочке куклу. Вполне естественно — и кукла и игрушечная посуда воспитывают качества, необходимые для жизни. А если представить, что в ближайшем будущем все работы в сельском хозяйстве будут выполнять машины и что наряду с мужчинами ими должны будут управлять и женщины, то все это нужно учесть и в воспитательной работе с детьми, а особенно при производственном обучении в школах.

Ясно, что проблема овладения женщинами техникой — проблема насущная. Решение ее больше всего зависит от самих женщин-крестьянок, от того, как они понимают свое место в современном производстве, которое все больше механизмируется, насколько они осознают, что отставание в этом деле — отнюдь не женская добродетель. Это тот столп, на который опирается неравенство. Ведь иначе на долю женщин будет оставаться ручной труд, большей частью тяжелый и хуже оплачиваемый.

Сокращенный перевод с эстонского
Э. МЕТС.

Тем временем солнышко снова заглядывает на террасу, только с другой, вечерней, стороны. Приходят за детворой родители. Вот и мама Вити и Лени. Пока ребята были в саду, она вернулась с поля и даже успела забежать за покупками в магазин, который недавно открылся в станции.

Витя и Леня с неохотой покидают детский сад: ведь воспитательница уже включила телевизор. Ребята, которые посещают недельную группу, уселись перед экраном прямо на ковре. Позавидуешь им — сейчас увидят веселый детский фильм. Но маме ждать некогда — дома важные дела.

Наконец Витя и Леня дома. Здесь их ждут мужские заботы.

Демченки строят новый, добротный дом из кирпича, под железом. В нем у каждого, и у ребят тоже,

будет своя комната. Мальчики охотно помогают взрослым, им тоже хочется поскорее новоселья.

— Знаете, пацаны, — назидательно говорит дедушка Алексей внукам, — в старину так считали: если дом каменный, да еще и железом крыт, значит, в нем поп или атаман живут.

— Дедушка, а в нашем доме тоже будет

жить атаман! — удивляется Витя.

Все смеются. Даже Леня знает, что попов и атаманов давным-давно нет.

— Нет, внук, — серьезно объясняет дедушка, — такие дома теперь у всех в нашем колхозе. Простые колхозники, как твой дед, твой отец, такие, каким будешь ты сам, могут построить каменный дом для себя.

Фото А. ШАПИРО

Вите смешно — он будет жить, как атаман. Он вертится около старших — то молоток подаст, то лопату.

Сон настигает его прямо на ходу. И мать на руках уносит сына в дом. Он бормочет что-то во сне, тепло чмокая губами. А потом совсем затихает.

Постепенно гаснут станичные огни. Только чуть мерцает ночник в спальне детского сада. Здесь мирно спят под присмотром ночной няни воспитанники недельной группы, те, кто завтра первым встретит на пороге детского сада Витю и Леню.

В. АДУШКИНА

Колхоз имени
М. И. Калинина,
Динское производственное
Управление,
Краснодарский край.

Разогнал все облака
Летний ветер звонкий.
Вышло солнце на луга
С маленькой Аленкой.

Бойко скачут из-под ног
Разные букашки.
Вот цветок, еще цветок.
Хороши ромашки!

Фото Л. БОРОДУЛИНА и А. УЗЛЯНА.

На постой меня отвели к бабке Ермизиной. Старуха мне не понравилась. Она без умолку говорила подозрительно сладким голосом. Делая вид, что расспрашивает, все время толковала о себе.

— Ты чей представитель-то будешь? — спросила она меня, как только председатель колхоза оставил нас одних.

— Да ничей... Из газеты я.

— А то мне все представителей ставят. С району, с области. У меня изба самая чистая. Иван Петровича знаешь? Партийный, с району? Ха-ароший человек! Вон на той кровати спал. А Петра Ивановича? С области? Неужто не знаешь? Он, почти-тай, самый главный в исполкоме будет. Тоже спал у меня. Ха-ароший человек!

Стало ясно, почему председатель привел меня сюда. Бабка Ермизина ни о ком не говорила худо и ловко уплывала от вопросов. К ней можно было смело ставить любого «представителя», хоть следователя из прокуратуры.

Я спросил о прежнем председателе. В Гаврилов-Яме, районном центре, мне говорили о нем — нечист на руку, сняли за это. А старуха, не стыдясь, глядя мне в глаза, ответила:

— Ха-ароший человек! Старый, а всю войну колхоз на себе тащил. Еще вот и детдом кормил.

И новый председатель оказался, конечно, «ха-арошим человеком».

Старуха говорила не по-здешнему, не окала.

— Да я не местная! — оживилась она, найдя новую тему.

Скоро я знал все. Как в империалистическую к ним в деревню под Тулой приехали два солдата — старший брат ее с товарищем. После гражданской товарищ приехал один — брат погиб, а уехали вдвоем. Так она стала Ермизиной. Сначала ей было на новом месте непривычно: село торговое, богатое, каменные дома есть и церковь большая. А там, под Тулой, в их деревушке в каменном доме только помещик жил.

Я ни разу в жизни не встречал человека, который своими глазами видел помещика. Спросил у бабки про него.

— Ха-ароший человек! — с чувством ответила она, точно так, как только что говорила про районное и областное начальство.

Стало смешно и скучно. В маленькой избушке было немало забавного. Видно, у старухи действительно перебивала пропасть самых разных представителей. Они оставили о себе память плакатами, которыми бабка Ермизина украсила стены даже в сенях. Багряно-красным светился призыв «Берегите жилища от пожаров. Огонь — враг. Не забудьте застраховать свое имущество». Такой же грозный огонь пылал на соседнем плакате. Но там — величаво-спокойная женщина, держащая, как знамя, развернутое одеяло и отважно глядящая прямо в пекло, советовала: «Не бойся огня. Смело туши его — водой, песком, любимыми тяжелыми предметами».

Видно, на сеннике у окна пооче-

ЧИСТАЯ ИЗБА

Рассказ

А. РУБИНОВ

редно спали страховой агент и пожарный инспектор. Видел там цветные сны кто-то и из культпросветработников, иначе как попали сюда рекламы: «Верные друзья», «Стрекоза», «Чайки умиряют в гавани». А на самом видном месте висело предостережение: «Не прыгайте на ходу», — под ним нарисован красный трамвай с густо-синими стеклами.

Старуха поймала мой взгляд и приосанилась: она явно гордилась убранством избы. Потом сняла рамку с карточками и похвасталась, тыча кривым, точно обрубленным пальцем:

— Сынок мой, Юрочка.

Она заговорила слаще прежнего, а я усомнился: уж больно стара она для такого сына. На фотографии лихо вытянулся исправный моряк, по всему видно, первогодок, в очень правильно одетой краскозырке.

— А это доченька моя — Валюша. Девчонка годилась ей во внучки. Лет семнадцати.

Я не стал показывать виду, что не верю рассказам старухи, и, чтобы перевести разговор, спросил, показывая на видневшееся в окне недостроенное здание:

— Что это будет?

— Нешто не видишь, клуб. А ты бы лучше спросил, что тут было раньше...

Старуха глубоко вздохнула и разговорила с еще большей охотой.

Оказывается, на месте клуба прежде стоял овин. Его спалили «бездомовцы» — так называли в Осеневе ребят из детдома. Дело это было еще во время войны. Забрались они туда днем, когда все были в поле, стали жечь спички и разбежались, когда

занялось сено. В поле увидели ленивый дымок — день был жаркий, безветренный. Пока добежали, несколько домов уже полыхали. Первым до последнего бревнышка сгорел самый ближний к овину дом Ермизиных.

— И так я тогда, милый, обрадовалась, что ребятки мои целы. Схватила их и давай плакать. Ей-богу, от радости. Наплевать на дом, дом можно построить!.. Да я ж тебе не сказала, откуда у меня, старой, такие малые ребятки, — спохватилась она.

Однажды, в первый год войны, в Осеневе показался грузовик. Ехал он медленно, осторожно пробираясь между колдобинами. Остановился у правления. Откинули борт. Глянула я, аж сердце обмерло: дети, чисто кирпичи, наклады.

Это были ленинградские ребята, позеленелые, чуть живые. Их по одному осторожно вносили в дом три незнакомые женщины, помогала им Нюрка Дербенева, соседка Ермизиной.

В правлении настлали низкие платки. Кроватей тогда было не достать. Обошла Ермизина весь дом, слезы пошли — до чего смиренные ребята, даже голоса не подают, очень уж, видать, настрадались. Не выдержала, попросила Нюрку:

— Дай ты мне которого-нибудь поплоше.

Взяла самого худенького, у глаз морщинки стариковские, на руках кожа собрана.

— Да что ты, Васильевна, бери другого. Энтот помрет не сегодня-завтра, — сказала Нюрка.

Но она не послушалась, отнесла мальчишку домой. Тогда у нее была самая большая и самая пустая в селе изба: одна во всем доме осталась. Муж на фронте, сын еще в финскую погиб.

Нагрела Ермизина воды, выкупала мальчонку. Он проснулся, глазами водит, а молчит, мыть себя позволяет. А потом опять уснул.

— Почти до самого вечера так и спал поперек кровати. Я и уйти боюсь: вдруг проснется — и смотреть не могу: не разберу, дышит али нет. Все ухо прикладывала. А потом вдруг ручки поднял, улыбнулся. «Мамка, а паровоз мой ты нашла?» Кинулась я к нему — живой, говорить умеет, и за мать меня признал. «Паровоз? — говорю. — Нашла, сыночек». А сама вру: никакого паровоза нет у меня. «У меня, — говорю, — еще получше паровоза есть. Давай-ка молочка попьем».

Отпоила, выходила, на ноги поставила Юрку.

А летом вдруг приехал военный. Незнакомый. Сначала в правление зашел, потом к ней. Юрку целует.

А она-то и обрадовалась и напугалась: «Вдруг мальчишку заберет?» Остался ночевать. Военный не спит, курит всю ночь. Да и ей не до сна. А наутро он говорит:

— За дочкой поеду. Что ей в детдоме оставаться? Возьмешь? Тебя вон Юрка матерью называет. Забыл, наверное, мать-то.

Она не соглашалась:

— Куда мне двоих? Не поспею — мне и в поле и за ними смотреть...

Рисунки Д. ПЯТКИНА.

Через день военный вернулся.

Ермизина вышла на крыльцо, оставившая, что сказать, не знает. Военный спустил на землю девочку, совсем маленькую, двухлетнюю, она побежала вперед, протянула руки.

— Мамочка, мамочка!.. — Отец, наконец, научил.

Заперла Ермизина дверь, чтобы никто не видел, повалилась на кровать. Одной рукой прижала мальчика, другой девочку и заплакала.

Не напрасно плакала. Много пережила с тех пор. Нелегко было прокормить ребят, да и «бездомовские» все время заходили, как-никак соседи, и их подкармливала.

Кончилась война. Вернулся муж. С ребятами был ласков, да неразговорчив. На второй день пошел к председателю просить лес — дом строить. Не стал ставить его таким, каким был раньше, — высоким, вровень с улицей. Изба получилась маленькой, низкой, убежала в глубь усадьбы. Там, где раньше комната была, огород под окнами появился. Но все-таки свой дом. Где хочу, чугуны поставлю, когда хочу, ребят уложу...

В избе стемнело, и, прервав свой рассказ на полуслове, старуха зажгла свет. Жидкая электрическая лампочка лучилась в самые глаза. Изба как-то разом повеселела, загорелись плакаты на стенах — в самом деле, с ними было светлее. Заговорило радио. Диктор зычно произносил слова:

— И еще Пантелею Ивановичу зерно ехать сдавать. На леваторе прихватить Евдокию Коленцеву, за книжками в район поехала. И еще бабам с Пенькова в лес не ходить. Они там по ягоды, а тут ячмень сыпется. Увижу — все ягоды отберу! И еще Марии Коленцевой быть с утра...

Это колхозные бригадиры давали наряд на завтра.

Ермизина по старости лет уже не работала, но к репродуктору подбежала. Слушала, внимательная, сердитая, сдвинула платок с одного уха, приблизила его к самому ящику. Я не думал, что ее лицо может стать вдруг таким неласковым. Нет, старуха совсем не так добра, какой старается казаться...

— Так о чем я? — спросила она, когда радио затихло. — Да, так, значит, поставил избу, справили, стало быть, новоселье. Все честь по чести, и говорит он мне: «Теперь, Прасковья, решать можно. Или я, говорит, или они. Выбирай. Стар я до чужих детей, малых. Они, — говорит, — тебе и избу спалили. Сдай их в детдом, нам и вдвоем хорошо будет. Слышал, — говорит, — уезжают они в Ленинград свой». Обиделась я на него, ничего не сказала. Подошла к Юрочке, а он уже спит, к Валечке — она вся во сне разметалась...

А все то, оказывается, просто объяснялось: Ермизин на склоне дней вдруг «зашалил».

— Схлелнулся с ней и ушел, — просто рассказывала старуха о любовном приключении мужа. С кем это старик «схлелнулся», я так и не понял.

Не миновала новая любовь и отца ребят. Он вернулся позднее, пожил немного. И вдруг...

— Схлелнулся. С Нюркой Дербеновой. С ней вместе и уехал. А ребят оставил. Видишь, скучно ему в Осене, к городу он привычный. А Нюрка чужих детей брать не хочет: своих, говорит, заведем. Васильевна им все равно за мать, а мы им посылки посылать будем.

Только, видно, забыла Нюрка про свое обещание.

— И не знаю, как их вырастила. А уж выросли ладными. Валечка — самая первая девка на селе. Волос длинный, сама чернявая, а до чего ж уважительна! Так и говорит: «мамочка, мамочка». Фельшир она. Это я ее выучила. В Гаврилове в общем житии жила. Там теперь и работает.

О Юрочке Ермизина говорила еще ласковой. Он и офицер, и лучше всех учился, и быстрее всех наперегонки бегал, а только, если верить старухе, до сих пор говорит: «мамочка, мамочка».

Я глядел на фотографию двадцатилетнего матроса с плотно сжатым ртом, упорным взглядом, и не верилось мне, что такой может говорить старухе: «мамочка». Мастер она все приукрашивать...

Было еще совсем не поздно, но

после тряской, мучительной дороги мне захотелось спать. Постель оказалась довольно жесткой, хотя издали матрац казался пышным и мягким. Я только успел подумать про хозяйку, что, видно, про нее сказано «мягко стелет, а жестко спат», как сразу уснул.

Проснулся я от грохота и звона. Тряслись стены, весь дом ходил ходуном, звякнуло упавшее в сени ведро. И тут же услышал Ермизину. Она зажгла свет, спустилась на пол со своей высокой кровати. Старуха была в длинной ночной юбке и какой-то серой кофте-безрукавке. Она суетливо шмыгнула в дверь, радостно приговаривая: «Юрочка, сыночек, Юрочка!»

Дом перестало трясти. На минуту все утихло. Снова отворилась дверь. Пригнувшись, в нее пролез высокий морской офицер. В одной руке он держал чемодан, в другой — Ермизину. Вышел на середину комнаты и, по-мальчишески балуясь, стал кружить вокруг себя чемодан и старуху.

Басом, с расстановкой, очень солидно приговаривал:

— Ма-моч-ка, ма-моч-ка!

Вдруг он увидел меня и, смутившись, поставил на пол сначала чемодан, потом улыбающуюся, гордую старуху и, окончательно оробев, сказал почтительно:

— Здравствуйте, мама!

* * *

Мне неловко было больше оставаться в доме Ермизиной. И оттого, что невольно смутил Юрия. А главное, мне стыдно стало перед хозяйкой за невысказанную неприязнь, за то, что я так упорно не хотел верить ей.

— Ты куда-то, милый? — обиделась Прасковья Васильевна, когда увидела, что я собрался.

— Надо идти, не поспею в Писцово. Пораньше там надо быть.

Объяснение было неубедительным, и, не будь она так занята гостем, от нее не скрылось бы, что тут не все ладно.

Заря чуть только занималась, когда я вышел на дорогу. Было зябко и сыро. Как только Юрий шел в такой темени, по грязи! На мое счастье, вдруг где-то рядом затарахтела машина. Когда я уже сидел в остывшей за ночь кабине, выяснилось, что я еду с Пантелеем Ивановичем, которому вчерашнее радио повелело сдавать зерно и захватить на элеваторе Евдокию Коленцеву, ту, что отправилась в район за книжками.

Дорога была долгой, и, разговорившись с шофером, я наконец развеял последние сомнения.

— Это Васильевна-то смиренная? — удивился Пантелей Иванович. — Да лютей ее бабы в деревне нет! И работающей бабы не сыскать — раньше всех поднималась, на работу людей скликала. Это же она свалила двух председателей. А уж до чего крепко стоял Королев! Только любит она, чтобы без посторонних. Как приедет из району кто, молчит, похваливает. Говорит: нечего из дому сор выносить, сами доглядим, чтобы изба была чистой.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА МУРАТОВА

Скончалась Мария Федоровна Муратова, член КПСС с 1919 года, человек, чья жизнь с самой ранней юности была отдана революции, выполнению одной из труднейших ее задач — раскрепощению женщин.

Активная общественница, секретарь ревкома, заведующая женотделом ЦК Компартии Белоруссии, пламенный, бесстрашный агитатор, она сплачивала работниц и крестьянок вокруг партии и Советской власти. Всю силу своего организаторского и пропагандистского таланта, весь жар души отдавала Мария Федоровна Муратова этому делу.

И когда перед партией со всей остротой встал вопрос о ликвидации таких нетерпимых пережитков феодализма, как затворничество, калым, многоженство, выдача замуж малолетних, которые оказались живучими в республиках Средней Азии, Центральный Комитет партии направил туда Муратову, своего верного бойца. Духовенство, байство стеной стали против женского раскрепощения; сопротивление их приняло открытый характер.

Мария Федоровна в этих сложных условиях сумела поднять среднеазиатских женщин на борьбу за свое раскрепощение и тем самым заслужила их искреннюю любовь и огромное уважение.

В 1933 году, чтобы содействовать организационно-хозяйственному укреплению колхозов, партия посылает в деревню из своих рядов самых лучших, самых достойных. Больше трех тысяч коммунисток поехали в политотделы, созданные при МТС, чтобы вести работу с колхозницами. И вновь на передней линии — Мария Федоровна Муратова. Центральный Комитет партии направляет ее в политуправление МТС Наркомзема СССР.

Одновременно Муратова назначается редактором журнала «Крестьянка». В эти первые годы колхозного строительства журнал настойчиво боролся за вовлечение женщин-крестьянок в колхозы, за повышение их трудовой активности. На примере лучших колхозниц воспитывались мастера высоких урожаев, знатные животноводы, хлопкоробы и т. д. Немало внимания уделялось духовному росту женщин села, расширению их кругозора.

Кипучая деятельность Марии Федоровны Муратовой в 1937 году была трагически прервана — она стала жертвой произвола и необоснованных репрессий. Но жестокие испытания не сломили духа стойкой коммунистки. Вернувшись в 1955 году в Москву после полной реабилитации, Мария Федоровна, несмотря на надломленное здоровье, со всей присущей ей энергией снова активно включилась в партийную жизнь.

В 1960 году правительство наградило Муратову орденом «Знак почета», а Президиумы Верховных Советов Узбекской ССР и Туркменской ССР — грамотами. Так высоко была оценена деятельность этой славной женщины.

Удивительное чувство доверия, расположения к себе вызывала она в людях.

Ушел от нас человек большой души, чуткий, отзывчивый товарищ. Память о Марии Федоровне Муратовой навсегда сохранится в сердцах всех, знавших ее.

Группа товарищей

СЕВЕРНЫЕ БОГАТЫРИ

Мальва-мелюка

Мы не в Крыму и не на Кавказе. Редкая коллекция деревьев растет далеко на севере, в столице республики Коми — Сыктывкаре. Деревья средней полосы нашей страны, Северной и Южной Америки, широколиственные теплолюбивые породы Средней Азии, Украины, пихты Дальнего Востока. Научные сотрудники филиала Академии наук СССР выясняют, какая растительность лучше приспособится к суровым условиям.

А на соседнем участке зеленый ансамбль кормовых культур.

Кандидаты наук Петр Петрович Вавилов и Константин Алексеевич Моисеев испытывали сотни различных культур и наконец остановились на весьма перспективной для севера — мальве.

Зона ее распространения широка: Крым, Украина, Дальний Восток, Китай. По кормовым качествам она превосходит многие культуры. Крайне необходимого животным белкового вещества — протеина — в ней почти вдвое больше, чем в красном клевере. Порядочно в ней и железа, и кальция, и фосфора.

П. П. Вавилов и К. А. Моисеев высеяли мальву на хорошо удобренной, известкованной почве. Посевы дали всходы — нежные, едва заметные зеленя. Но в июне ударили заморозки. Многие сорта мальвы погибли. В некоторых сортах жизнь едва теплилась.

— Неужели все кончено? — сокрушались сотрудники лаборатории.

В конце июня наступила наконец теплая, солнечная погода. Однажды Моисеев в глубоком раздумье сидел в лаборатории: если мальва не поднимется и теперь, значит, все пропало.

В лабораторию стремительно вошел один из сотрудников. — Едем, немедленно едем!

По горящим глазам товарища Моисеев понял: случилось что-то необычное...

Да, за день — только за день! — робкие травинки поднялись на 8—10 сантиметров. Через полмесяца в зарослях мальвы с головой укрывался человек. А в конце августа был снят рекордный урожай: 800 центнеров зеленой массы с гектара. То была мальва-мелюка.

Опыт показал, что в холода мальва-мелюка растет медленно, зато в теплые дни, как бы наверстывая упущенное, развивается со сказочной быстротой.

Нужно было всячески содействовать этим «способностям» мальвы, разработать агротехнические приемы ее выращивания. Каждый шаг давался ценой напряженных поисков, зачастую неудач.

На одном из участков семена заделали на обычную для других культур глубину — 7—10 сантиметров. И мальва не взошла до поздней осени. Стало ясно, что эта культура требует более мелкой заделки.

Было испытано много вариантов удобрений. Самыми удачными оказались органические удобрения. Готовить почву лучше ранней осенью. На вспаханное глубоко поле зимой завозят по 20—25 тонн навоза или торфонавоза на гектар. Весной, как только «поспеет» почва, к ним добавляют по 2 центнера суперфосфата и 1,5 центнера калийной соли на гектар, удобрения разбрасывают и заделывают. На семенные участки вносят только минеральные удобрения — 3—3,5 центнера суперфосфата и 1,5—2 центнера хлористого кальция на гектар.

Посев проводят овощными или зерновыми сеялками с междурядьями в 60 сантиметров. Норма высева на силосных участках — 4—5 килограммов на гектар, на семенных — 6—7 килограммов. Заделывать в почву семена нужно не глубже 2—3 сантиметров, чтобы дружной поднялись всходы.

Пробились зеленя. И сразу же на поле выходит культиватор-рыхлитель. Спустя 2—3 недели производят подкормку: по

Борщевик Сосновского

центнеру суперфосфата и аммиачной селитры на гектар (силосные участки), по 2 центнера суперфосфата и 0,8 центнера хлористого калия (семенные). После этого — повторное рыхление. На силос мальву скашивают по мере надобности.

Мальву на семенных участках убирают еще до полного ее созревания, когда примерно 70 процентов коробочек побуреет. Скошенную мальву вяжут в небольшие снопы, ставят их в суслоны, где семена дозревают. Затем снопы обмолачивают на обычной молотилке, семена пропускают через веялку, сушат. Хорошо перед этим смешать семена с овсом, ячменем или рожью, что обеспечивает быстрое удаление влаги. Затем семена мальвы отделяют от зерна на триерах.

Многие хозяйства, убедившись в продуктивности мальвы-мелюки, стали выращивать ее на силос.

Нашлись энтузиасты, занявшиеся и выращиванием семян. Так был создан семенной фонд для значительных площадей.

Найдены и другие виды мальвы, способные жить на севере: мутовчатая и курчавая. Они также холодостойки и хотя уступают мелюке по урожайности, поспевают гораздо раньше и дают больше семян.

Чтобы обогатить корма углеводами, которых не так уж много в мальве, ее полосами-кулисами высевают с кукурузой и подсолнечником. Она защищает своих соседей от холодов. А при скашивании получается хорошая смесь для силоса, содержащая основные питательные вещества.

...Почтаillon то и дело приносит письма. Пишут из Архангельска, с Украины, из далекого Приамурья. Колхозники, юнаты, ученые просят прислать семена, поделиться опытом.

Заботливо пакуются драгоценные зерна, агротехнические плакаты. А на карте в кабинете биологов появляется новая стрелка. Теперь, словно щедрые лучи северного солнца, они пронизали почти всю территорию СССР.

Среди писем хранится одно с обратным адресом: Москва, ЦК КПСС. Никита Сергеевич Хрущев поздравил биологов Коми с заслуженным успехом, просил прислать семена. Глава Советского правительства посеет их в Подмоскovie.

Республика заготовила большое количество семян мальвы. Если хотя бы десятая часть пойдет на семенные участки, в 1964 году можно будет засеять мальвой тысячи гектаров. А это много кормов. Даже при сравнительно небольшом урожае мальва дает восемь с половиной тысяч кормовых единиц с гектара.

На севере появились и другие ценные кормовые растения. Например, борщевик Сосновского с гектара дает свыше 700 центнеров зеленой массы; по содержанию каротина он уступает лишь моркови. В семью северных исполинов входят многолетники: окопник шершавый и гречиха Вейриха—равноценные по своей питательности клеверу в период его цветения и дающие до тысячи центнеров зеленой массы с гектара. Эти растения живут по 10 лет, их не надо сеять каждый год. Под северным солнцем растут топинсолнечник, кормовые бобы. Поражают их могучие размеры.

«Северный букет» дополняет маралий корень. Это редкое растение завезено с Алтая и освоилось в Коми. Маралий корень благотворно действует на организм животных, является ценным сырьем для лекарственных препаратов. Урожай этой культуры значительны—400 и выше центнеров зеленой массы с гектара.

Возможности распространения новых культур — устойчивых к холодам, неприхотливых — поистине безграничны. Они дают отличные урожаи и в Приамурье, и на юге Украины, и далеко за Полярным кругом.

г. Сыктывкар.

Ю. ГУРЬЕВ

— Да разве в этом дело? — снова вмешался ядовитый старичок. — От песни должна слеза закипеть.

И пошло и пошло... Скоро спорило уже полагана. Одни ругали композиторов, чьи песни не отличишь друг от друга, другие сокрушались о позабытых старинных песнях, третьи отстаивали преимущества военных песен. Горячились, перебивали друг друга, пока один из пассажиров — в рабочем комбинезоне, с покрасневшими от бессонницы глазами, видно, после ночной смены ехал — сказал негромко, но веско:

— Чем кричать без толку, спели бы, ребята, что-нибудь хорошее. Ну хоть эту, фронтовую, как ее? «И снег, и ветер»!

— Какая ж она фронтовая? — даже подскочил с места кудрявый турист. — Это можно сказать, наша студенческая песня. Нашим гимном на целине была!

— Если точнее — солдатская это песня. — И юный солдат снова залился румянцем. — В дальние переходы под нее лучше всего строем идти.

— Будет вам спорить! — примирительно улыбнулась женщина в шали, словно не из-за нее весь сыр-бор загорелся. — Чудак, чья да чья песня? Главное, душевная она, значит, общая. Ее и спойте.

*Забота у нас простая,
Забота наша такая, —
Жила бы страна родная,
И нету других забот...*

кинематографа составленное представление о композиторе — взлохмаченном бородаче, упершемся взглядом в раскрытый рояль. И у рояля-то Пахмутова увидишь не слишком часто.

Где же она сочиняет? И на футбольном матче (Пахмутова отчаянная болельщица), и в метро, и под перестук колес, и под весеннюю капель...

Она улыбается чуть иронически, и я понимаю, что мой вопрос был неуместен. Разве можно так вот, походя, рассказать о процессе творчества, процессе, который у настоящего художника, в сущности, не прекращается никогда.

Да, трудная у меня сегодня собеседница! О чем угодно — пожалуйста, — только не о себе. Впрочем, биография композитора — в его творчестве. И я листаю дипломы, нотные сборники.

Музыка. Страсть к ней зародилась очень рано. Уже в пять лет написана пьеса для фортепьяно «Петухи поют», в пятнадцать — Сонатина. Одну из частей этой Сонатины Аля Пахмутова играла в документальном фильме «Юные музыканты», демонстрировавшемся в Москве в последний год Великой Отечественной войны.

Но путь автора Сонатины в столицу был нелегко. Добиралась сюда девочка в крутой 1943 год из Караганды, куда была эвакуирована вместе со своей семьей. Смена белья да несколько нотных тетрадок — весь нехитрый багаж, а в душе твердая убежденность не павшата, стать музыкантом во что бы то ни стало! А разве так просто тринадцатилетнему человеку оказаться одному, без близких в чужом, голодном городе, догонять далеко ушедших вперед одноклассников по Центральной музыкальной школе для особо одаренных детей!

Но в крохотной девчурке со смешными белокурыми косичками таилось железное упорство. Каждый день у нее расписан по часам. И по выходным дням и по праздникам бережет она каждую свободную минуту, чтобы отдать ее музыке. Так учил руководитель группы композитор В. Я. Шебалин, такова внутренняя убежденность его ученицы.

Наконец первый рубеж взят: в кармане диплом с отличием об окончании школы по классу фортепьяно. Теперь к истокам композиции — в Московскую консерваторию. Здесь, на композиторском отделении, складываются творческие взгляды Пахмутовой. Она изучает творчество своих музыкальных предшественников, но больше всего, пожалуй, влечет ее народная музыка.

Она обрабатывает народные русские песни «Не заря ты зорюшка» и «На Иванушке чапан», пишет миниатюры для струнного квартета. Во время студенческих каникул Аля ездит по приволжским селам, собирает и записывает народные песни от их знатоков и хранителей, часами прислушивается к народной манере исполнения.

Однажды в консерватории был объявлен конкурс ко Дню Советской Армии. Первой премии в этот «мужской» день были удостоены женщины — авторы «Походной кавалерийской» — композитор Александра Пахмутова и поэсска-фронтовичка Юлия Друнина. В этой песне музыка вступления удачно передает топот конницы, а распевность и

А ПУТЬ И ДАЛЕК, И ДОЛОГ...

Какие иной раз бывают диспуты и где они только не происходят! Одни — в чопорной тишине громадных аудиторий, другие — в накале страстей душноватого школьного класса; третьи — в накуренной институтской лаборатории.

Этот диспут начался в вагоне воскресной подмосковной электрички, до отказа набитой туристами, рюкзаками, авоськами, свисающими из багажников, словно полные невода.

Началось все с того, что женщина в шали, демонстративно зажимавшая уши, как только безголосые, но отчаянно гогосившие туристы слишком высоко забирало «Кузнечика», воспользовавшись секундным затишьем, обратилась к соседу — благообразному старичку в очках, перевязанных на переносице куточком изоляционной ленты:

— Все поем да поем! А ни одной песни путной!

— А что им теперича петь? — ехидно отозвался старичок. — Старые песни отпели, новых еще не придумали. Вот и пробавляются.

— Истинно, дед, пробавляемся! — в тон ему весело откликнулся кудрявый туристский запевала и еще громче, нарочито фальшивее затянул «За что же Ваньку вы Морозова».

— А эта еще почище! — снова возмутилась женщина в шали. — Все жилы вытягивает. Песня должна быть тихой, задумчивой.

— Ну, это вы напрасно, мамаша, — вступил в спор застенчивый румяный солдатик. — Песня бодрить должна, чтоб легче шагалось...

Нехитрые вроде слова, и музыка будто незамысловатая, и голоса те же остались, а совсем иначе звучит теперь хор — мужественно и вместе с тем задушевно. «И снег, и ветер», — подпевает женщина в шали, по-домашнему скрепя на груди руки. «И звезд ночной полет», — поет, прикрыв натруженные веки, человек в спецовке. «Меня мое сердце в тревожную даль зовет», — вторит кудрявому туристу застенчивый румяный солдат. И даже ехидный старичок шевелит губами в такт песне.

Кажется, во всем вагоне не поет только одна пассажирка, сидящая у окна. Она такая маленькая, что даже в неуклюжем лыжном костюме и высоких меховых унтах напоминает нахваливающую лесную пичугу. И нет ей никакого дела до песни! Отвернулась и напряженно смотрит, не убирая косую челку, упавшую на глаза, как проносятся за окном кругогоры да перелески.

Ох и удивились бы ее случайные путчики, если б узнали, что это и есть автор «Песни о тревожной молодости», песни, которую они так увлеченно исполняют! Она — Александра Николаевна Пахмутова — едет сейчас в Рузу отдохнуть несколько деньков от московской суеты, пораздумать на досуге над прорывающейся все громче и властнее мелодией будущей своей Симфонии.

Озорноватая, легкая, стремительная. Нет, решительно не догадаешься, что перед вами композитор! Очень уж непохожа Аля Пахмутова (называть ее по имени-отчеству просто как-то невозможна) на наше привычное, с помощью

широта делают ее близкой народным песням.

Отголоски народных песен слышатся и в более зрелых сочинениях — Симфонической сюите и в Концерте для трубы с оркестром, прочно вошедших в репертуар советских и многих зарубежных симфонических оркестров. Интересно отметить, кстати, что труба часто звучит в музыке Пахмутовой то как сигнал тревоги, то как призыв вперед. Вспомните полюбившуюся всем песню «Геологи», которая начинается и кончается трубным призывом, как бы подчеркивая, что, хоть «путь и далек и долг и нельзя повернуть назад», впереди ждет самое интересное в жизни.

Окончена консерватория. Пахмутова пишет музыку к радиоспектаклям, сочиняет кантаты, эстрадные произведения, симфонические увертюры, старается углубить и расширить круг своих музыкальных образов. Но по-прежнему больше всего ее влечет песня.

Как рассказать о песне? Ее надо слышать.

Поворот рычажка, и вот уже плывет вдаль густое контральто матери из песни «Колыбельная»; мужской голос торжественно поет «Коммуниста»; женское многоголосие рассказывает о красоте Смоленщины, о том, как тихо шумит ветерок в тростниках над рекой; из перестука колес возникают ритмы «Машиниста».

Оказывается, почти все эти песни мне знакомы, их можно услышать и на концертах, и в пионерском лагере, и в доме отдыха.

Многие песни звучали в кино. Уже в четыре фильма вложила Пахмутова «музыкальную душу».

...Помните поварижу Тоську из «Девчат»? «Пигалица» — называют ее. А вот не побоялась «пигалица» начать настоящий поединок с избалованным и самовлюбленным лесорубом Ильей. Характер Тоськи — главная удача фильма «Девчата». Но успеху фильма немало способствовала и музыкальная характеристика семнадцатилетней героини да две песни «Хорошие девочки» и «Старый клен».

ка; ее новую кантату «Красные следопыты» звонко выпевают юные голоса во Дворце съездов в день 40-летия пионерской организации; песня «Куба, любовь моя» впервые звучит перед строителями Братска в тот момент, когда взоры всех честных людей мира прикованы к маленькому острову Свободы.

Братск? Да, она побывала там прошлым летом вместе с бригадой молодых поэтов, артистов, композиторов. Удивительно интересная была поездка! Иркутск, Ангарск, Усолье, встречи в тайге с ребятами, сооружающими высоковольтные линии. А разве забудешь концерт в клубе интернациональной дружбы «Глобус», выступление под аккордеон (рояля не было, а музыку всем хотелось услышать) в селе Покосное! Сколько молодых взволнованных лиц, сколько пожеланий: «Пишите для нас!»

Для них, для замечательной советской молодежи, пишет Александра Пахмутова. И если ее новая песня понравится, то подхватят ее и разнесут по всей стране.

Старый клен

Музыка А. ПАХМУТОВОЙ

Слова М. МАТУСОВСКОГО

Старый клен, старый клен,
Старый клен стучит в стекло,
Приглашая нас с друзьями на прогулку.
Отчего, отчего, отчего мне так светло?
Оттого, что ты идешь по переулку.
Снегопад, снегопад, снегопад давно прошел,
Словно в гости к нам опять весна вернулась.
Отчего, отчего, отчего так хорошо?
Оттого, что ты мне просто улыбнулась.
Погляди, погляди, погляди на небосвод,
Как сияет он безоблачно и чисто.
Отчего, отчего, отчего гармонь поет?
Оттого, что кто-то любит гармониста...

И вот я в фонотеке Центрального дома композиторов.

— Все песни Пахмутовой? — недовольно сотрудница фонотеки. — Но через два часа у меня рабочий день кончается, мы не уложимся. Впрочем, — улыбается она, увидев мое разочарованное лицо, — слушайте, песни хорошие.

Она исчезает и появляется снова, придерживая подбородком стопку коробочек с магнитофонными записями.

Последняя получила премию на смотре молодых композиторов.

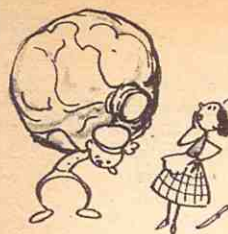
В лучших своих песнях Пахмутова раскрывается как боец и лирик. Ее песни оптимистичны, но это не шумные бодрячки-однодневки; они всегда полны романтической взволнованности.

Характерная особенность молодого композитора: она чутко реагирует на события дня. Она откликается на полет Гагарина песней «Заря космического ве-

И запоют эту песню геологи и студенты, бродяги-туристы и монтажники-высотники, гидростроители и пограничники — все те, чей «путь и далек и долг». Скрасить этот путь помогут задушевные песни Александры Пахмутовой. А время будет прибавлять к ним все новые и новые.

Людмила КАФАНОВА

Фото А. ГЕРИНАСА.

ИЗ МОЛОДЫХ ОВОЩЕЙ И ЗЕЛЕНИ

САЛАТ ИЗ КОЧАННОЙ КАПУСТЫ

Средней величины кочан капусты, $\frac{1}{2}$ чайной ложки соли, 2—3 ложки томата-пюре, немного сахара, лимонного сока или столового уксуса.

Капусту тонко нашинковать и размять с солью, затем перемешать с томатом-пюре, приправить сахаром, уксусом или лимонным соком и оставить на несколько минут закрытой.

САЛАТ ИЗ ЦВЕТНОЙ КАПУСТЫ

1 кочан цветной капусты, 1 яйцо, 1 чайная ложка горчицы, 1 столовая ложка растительного масла, щепотка соли, 1 чайная ложка лимонного сока или столового уксуса. Цветную капусту сварить в подсоленной воде. Вынув ее из кипятка, разделить на венчики, уложить на блюдо и полить холодным соусом. Соус готовится так: тщательно растереть яйцо, добавить соль, горчицу и, не прекращая растирать, добавлять по каплям попеременно растительное масло и лимонный сок.

САЛАТ ИЗ СЕЛЬДЕРЕЯ И СВЕКЛЫ

2 корня сельдерея, 4—6 клубней свеклы, 1 соленая или копченая сельдь, 3 столовых ложки растительного масла, 2 столовых ложки уксуса. Сельдерей варить до мягкости в неочищенном виде. В другой кастрюле сварить свеклу. Сельдерей и свеклу очистить и нарезать тонкими ломтиками.

Сельдь очистить и мелко изрубить (соленую сельдь предварительно вымочить). Сельдь перемешать с сельдереем и свеклой, добавить растительное масло и уксус и поставить на несколько часов в холодное место. Перед подачей на стол блюдо украсить ломтиками сельдерея и свеклы.

ЩИ ЗЕЛЕННЫЕ

На 500 г мяса — 500 г шпината или молодой крапивы, 200 г щавеля, по 1 штучке корней и лука, 1 столовую ложку муки и 2 столовых ложки масла.

Шпинат или крапиву перебрать, хорошо промыть, сварить в кипящей воде до мягкости, откинуть и протереть сквозь сито.

Щавель перебрать и промыть, крупные листки разрезать.

Коренья и лук нарезать мелкими кубиками и поджарить с маслом, добавить к ним муку и продолжать жарить еще 1—2 минуты. Затем положить в кастрюлю протертый шпинат, хорошо перемешать, развести горячим бульоном и отваром, полученным при варке шпината, добавить лавровый лист, перец и варить 15—20 минут. За 5—10 минут до окончания варки положить в кастрюлю листки щавеля и соль. К зеленым щам рекомендуется подавать сметану и сваренное вкрутую яйцо.

СУП ИЗ ЗЕЛЕНОГО ГОРОШКА СО СВЕЖИМ МОЛОКОМ

Вышелушить 1 кг горошка и сварить его в 4—5 стаканах подсоленной воды. Когда горошек будет почти готов, добавить 2 столовых ложки манной крупы, немного поварить и, перед тем как снять с огня, добавить

еще $1\frac{1}{2}$ стакана свежего молока и 2 столовых ложки сливочного масла. Готовый суп обильно посыпать мелко нарезанной зеленью петрушки или укропом.

СУП-ПЮРЕ ИЗ КРАПИВЫ

Перебрать и промыть 250 г крапивы, опустить в подсоленный кипяток и

варить до мягкости. Затем крапиву пропустить через мясорубку или протереть сквозь сито. Поджарить 3 столовых ложки муки в 3 столовых ложках сливочного масла, развести отваром крапивы. Смешать с пюре и варить суп минут 5—10. Затем заправить сливочным маслом. Подавать с гренками.

УХОД ЗА ПОСТЕЛЬНЫМ БЕЛЬЕМ

Новые простыни, наволочки, пододеяльники перед употреблением нужно выстирать. Иначе жир или кожные испарения остаются на них невыводимые в дальнейшем пятна. Белье нужно замочить на несколько часов в теплой мыльной воде. Кипятить его не следует. Цветное белье нужно вымыть в холодной воде, не оставляя его мокнуть. Такое белье следует полоскать в нескольких водах до тех пор, пока вода перестанет окрашиваться.

Следите внимательно за бельем. Не загрязняйте его очень, чтобы при стирке сильно не тереть. Стирать белье лучше в мыльном растворе, хорошо прополаскивая. Оставшееся мыло разъедает волокна.

Мохнатые полотенца не следует гладить, так как от глажения мохорчики расплющиваются и твердеют.

Неупотребляемое белье от долгого лежания в шкафу начинает сесть. Поэтому время от времени нужно стирать даже то белье, которым не пользуетесь.

Для того, чтобы веревка для сушки белья дольше служила и была мягче, ее нужно прокипятить в мыльной воде. Зимой белье не будет примерзать к веревке, если при последнем полоскании добавить в воду соль.

Чтобы руки не замерзли, когда вы развешиваете белье на улице, разотрите их предварительно уксусом.

УХОД ЗА ПОСУДОЙ

Почерневшую изнутри алюминиевую посуду можно высветлить, прокипятив в ней воду, подкисленную уксусом.

Пятна от пригара с алюминиевой посуды удаляют, прокипятив в ней воду с добавлением двух-трех луковиц.

Алюминиевая сковорода после промывки и просушки легко чистится горячей сухой солью.

С эмалированной посуды пригар легко отмывается, если наполнить ее теплой водой и добавить немного питьевой или стиральной соды.

Загрязненные бутылки быстро отмываются смесью сырого тертого картофеля с теплой водой.

Бутылки из-под керосина отмывают болтушкой из сухой горчицы и теплой воды.

Вилки и ножи, если они заржавели, чистят пробкой, смоченной растительным маслом. Если ржавчины много, к растительному маслу хорошо добавить немного золы.

Вилки и ножи с черенками из дерева или пластмассы нельзя надолго оставлять в горячей воде, так как под ее действием ослабляется крепление черенка.

Если посуда пропахла луком, ее промывают горячей водой с уксусом.

Затхлый запах пропадает, если протереть посуду толченым древесным углем.

На первой странице обложки: «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ». Фото С. ВЕТЧИНИНА.
На четвертой странице обложки: «ПОСЛЕ ГРОЗЫ». Фото В. ГОРТИНСКОГО.

Оформление номера В. ГОРТИНСКОГО.
Технический редактор Н. БУДКИНА.

К этому номеру дается бесплатное приложение — чертежи выкроек детской одежды.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, И. А. КОБЧИКОВА, О. П. КОЛЧИНА, П. Н. ПИНКИСЕВИЧ, Л. Е. ПИШЕНИНА, В. Е. СОКОЛОВА (зам. главного редактора), Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН, А. Т. ШАПОВАЛОВА (отв. секретарь).

Адрес редакции: Москва, А-47, Ленинградский проспект, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35; Д 3-39-48.

А 00096.

Подп. к печ. 29/V 1963 г.
Тираж 3 200 000 экз.

Формат бумаги 60×90/16.
Изд. № 923. Заказ № 1330.

2,75 бум. л.— 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЛЕТО ПРИШЛО

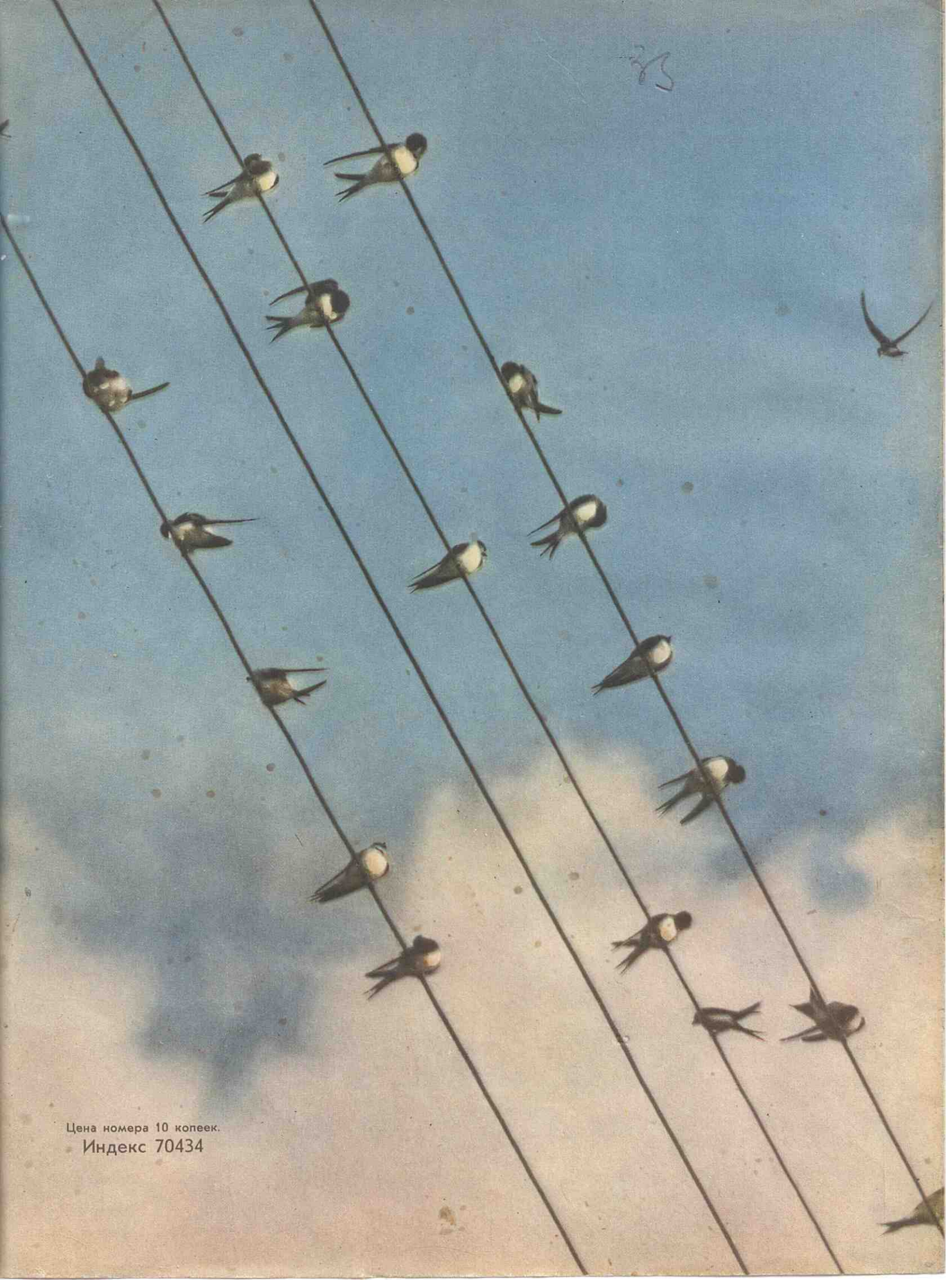
по которой для отделки пришиваются крупные пуговицы. Рукав вшивной. Легкое платье из хлопчатобумажной ткани в полоску. Лиф на кокетке с поперечным расположением полос. Отрезная юбка слегка присборена, прорезные карманы на ней отделаны поперечной полоской ткани. Платье-костюм для вечера. Юбка прямая. Прямой жакет, застегивающийся сзади на «молнию», отделан вышивкой в тон ткани. Рукав вшивной. Легкое платье из штапельного полотна. Лиф прилегающий, со спущенной проймой. Юбка прямая, у талии сильно присборена.

Платье-халат из льняной ткани в клетку. Лиф прилегающий, юбка слегка присборена. Застежка на пуговицах. Платье для полной пожилой женщины из плотного шелка в полоску. Платье неотрезное по талии, отделано планкой из этой же ткани с поперечным расположением полосок. На юбке большие накладные карманы. Рукав вшивной. Платье можно носить с поясом. Платье из плотной ткани для полной женщины. Спереди застрочена прямая складка.

85

Цена номера 10 копеек.
Индекс 70434